

Дуглас Кейн

Стриптиз для безумного бога

мистический триллер

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дуглас Кейн

Стриптиз для безумного бога

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кейн Д.

Стриптиз для безумного бога / Д. Кейн — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Новинка от автора «Призраков Туманной лощины». Молодой художник Смоки Рэй рад, что его приняли на работу в средней руки стрип-клуб на задворках Лас-Вегаса. Он мечтает реализовать свой талант, став не просто оформителем, но и автором танцевальных номеров. Но, может, это была не лучшая мечта. Во-первых, стрип-клубом интересуется мафия. Во-вторых, идол, которого Смоки Рэй поставил на сцене, кажется, не просто кусок пенопласта. Кажется, у него есть своя воля... и свои мечты, малопонятные людям... «Автор играет на поле саспенса, но привычная дорожка порой возвращает его к сценам разврата и обильного кровопролития под свинцовым дождём» (Joe Wiseman, The Pulp Report). Содержит нецензурную брань.

© Кейн Д., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Дуглас Кейн

Стриптиз для безумного бога

Глава 1.

Многие люди, побывавшие в Неоновом городе, увозят впечатление, будто здесь не бывает ночи. Пускаясь во все тяжкие, они привыкают к двум сменяющим друг друга дням. Один из них солнечный, другой озарён искусственным светом фасадов. Для тьмы, считают приезжие, в Лас-Вегасе не остаётся ни времени, ни места.

Они ошибаются.

Пятиэтажный дом на Сэнд-стрит, возле которого я припарковал старый синий «пони-кар», был одним из тех мест в городе, о которых приезжие не подозревают. Здесь нет ни казино, ни отелей, то есть ничего интересного.

На первом этаже располагался бар. Название «Кусок пирога» было лучшим, чем он мог похвастать. Над козырьком бара по облупленной стене ползла вверх и забиралась под крышу ржавая и тощая змея пожарной лестницы. Справа и слева от неё бессмысленно таранились бельма жалюзи, которыми были закрыты окна.

За одним из этих окон меня ждал, пожалуй, самый странный человек из всех, кого я знал в своей жизни.

Я вышел из машины и осмотрелся. Надеюсь, мне будет, на чём ехать обратно, когда я закончу разговор. Конечно, в нынешние времена видеорекамеры понатыканы повсюду, и я нарочно остановился в поле зрения одной из них. Да только Большой Брат бывает иногда подслеповат, а обитатели этого района ещё помнят времена, когда не им не стоило труда оставить от автомобиля один корпус, если хозяин отворачивался на тридцать секунд.

Я обошёл дом, поднялся по крыльцу, покрытому сетью трещин, и потянул на себя дверь. В кармане пикинул смартфон. Звонил, разумеется, чудак, к которому я собирался в гости.

– Это ты? Я имею в виду, это твоя тачка стоит напротив бара?

– Да, и я уже подошёл к лифту.

– О'кей. Поднимайся, я жду.

Лифт, скрипя и раскачиваясь, доставил меня под крышу. По ту сторону решётки тянулся скупо освещённый коридор. Конец его терялся во тьме. Иногда мне казалось, что никакого конца у коридора нет, и он просто уходит в бесконечность.

Может быть, я когда-нибудь проверю это.

А может быть, когда-нибудь домовладелец вкрутит дальнюю лампочку.

Я подошёл к третьей двери слева и постучал.

– Назови себя, – донеслось изнутри.

– Смоки Рэй, собственной персоной, – сказал я. – Не тяни, Айзек, открывай.

Щёлкнул замок, потом второй, клацнула цепочка. Дверь отворилась, и я шагнул в душную квартиру, освещённую ничуть не лучше коридора.

Трёхсотфунтовая гора сала едва не придавила меня, поспешно захлопывая дверь и запирая все замки.

– Проходи, проходи...

Айзеку Мортону некого было бояться. Разве только самого себя, учитывая его неуёмную тягу к нездоровой пище. Тем не менее, он всегда вёл себя так, словно за его голову назначена награда. В начале нашего знакомства я пытался указать ему на то, что это выглядит нелепо. Я был совсем ещё молод, и, конечно, очень хотел излить на окружающих свою мудрость.

С тех пор я стал умнее. Во всяком случае, научился оставлять за людьми право на чудачества. Если Айзеку Мортону не хватает в жизни адреналина, пускай черпает его из фантазий.

Пускай валяет дурака сколько душе угодно, лишь бы это не мешало его бизнесу. Ничего другого мне от него не нужно.

Айзек занимал две комнаты на третьем этаже. Жил при этом только в одной, а из другой сделал нечто вроде склада. Я говорю «нечто вроде», потому что, по моим представлениям, понятие «склад» подразумевает какую-то систематизацию содержимого. Вторая комната в квартире Айзека Мортонна скорее заслуживала название свалки.

Жилая комната, впрочем, тоже.

На диване громоздилась груда пледов, повсюду были разбросаны предметы одежды, книги, журналы, диски. На стенах висели плакаты со скупо одетыми красотками в вызывающих позах – среди них не было ни одного, закреплённого ровно. Рабочее место с компьютером игровой конфигурации было завалено пустыми пакетами из-под чипсов и прочей дряни.

Телеса Айзека втекли вслед за мной.

– Ну, и что это будет, Смоки Рэй? Снова собрался покорять Голливуд?

– Нет, пока что проект поскромнее. Зато я уже получил аванс.

– И где я смогу увидеть результат?

– Надеюсь, в постах всех посетителей, хотя Гарри Твидл и не одобряет видеосъёмку.

– Гарри Твидл? Кто это?

– Владелец одного заведения, которое называется «Сладкое местечко».

Айзек хохотнул.

– Дурацкое название. От него приторно.

– И шоу так себе. Но Гарри Твидл хочет сделать его лучше и платит наличными.

– Ох, Смоки Рэй, будь осторожен! Вот так угасают мечты: сначала ты идёшь на маленькую уступку реальности, потом на вторую...

Чего-чего, а поучений от Айзека Мортонна я пока ещё не слышал.

– Это выживание, парень, – сказал я.

– Ладно, что именно тебе нужно?

– Твой совет. Ситуация такая. Однажды я выставил пару работ из своих «Цветов зла» у Джона Ди. На них обратил внимание человек по имени Салливан Гришем. Он связался со мной, сделал заказ. Я украсил его дом голыми девицами. И уже там мой стиль оценил Гарри Твидл...

– Твой стиль? – перебил меня Айзек. – У тебя пока ещё нет никакого стиля, Смоки Рэй.

– Не придирайся. Девиц я лепил с танцовщиц «Сладкого местечка». Гришем работает там управляющим. Короче, им с Твидлом понравилось, и они решили нанять меня...

– Потому что нанять художника, имеющего хоть какое-то имя, им не по карману, так? Скорее всего, так. – Айзек покивал своим мыслям. – Что это за заведение, вообще?

– Средней руки стрип-бар, но Твидл мечтает превратить его в яркое шоу. Ну, и я ему кое-что предложил.

– О'кей. В чём твоя идея?

– Шок. Секс и насилие. Я придумал номер с жертвоприношением.

Гора сала мелко затряслась: Мортонна охватил смех.

– Дрянь ты придумал! Жертвоприношение... Гроб, расписанный под сатанинский алтарь, голая девица, бутфорский нож... Глупо и пошло. А главное, зачем для этого нужен я?

– Действительно, глупо и пошло. Но это придумал ты, Айзек. А я придумал нечто поинтереснее.

Он развернул кресло, стоявшее перед компьютерным столом, и втиснул свою плоть между подлокотниками.

– Ну-ка, расскажи.

Мне он оставил только диван. Я освободил от старой футболки, порнографического журнала и бокса из-под диска «WoW» край, на котором было меньше шансов вляпаться в жирное пятно от чипсов, и пристроил на нём свою тощую задницу.

– Человеческое жертвоприношение... что мы понимаем под этим словом? – начал я, как всегда, разведя руки жестом, который у всех, кроме меня, выглядит располагающим и вызывающим доверие к словам. Я заставил себя положить руки на колени и сцепил пальцы. – Дикость. Ужас жизни, которая отличается от нашей. Мы привыкли представлять жертву прекрасной девицей, страдающей от произвола слугителей первобытного культа. Она отказывает похотливому жрецу, и тот повелевает принести строптивцу в жертву богам. Но, конечно, появляется герой и спасает её, карает жреца и низвергает культ. Хэппи энд.

– Что же под жертвоприношением понимаешь ты? – с улыбкой поинтересовался Айзек.

– А при чём тут я? Важно, что под ним понимали древние люди. Для них это был канал связи с богами в пугающе непонятном мире.

Мои руки вновь заплясали в воздухе, и я снова заставил себя опустить их. Айзека моя борьба с собственными руками, кажется, забавляла. Но я не позволил сбить себя с мысли.

– Жертва не плакала, страхась своей участи. Она радовалась, потому что для жертвенного алтаря выбирали лучших. Любая девица была счастлива отправиться на небеса, ведь её ждало бракосочетание с божеством!

– Ты уверен? Насчёт счастья под ножом жреца... Лично я бы усомнился.

– Да ни в чём я не уверен, меня там не было! И я не исследую древние культы. Я просто предлагаю новую концепцию эстрадного номера. Мне нужен какой-нибудь африканский идол.

– Именно африканский?

– Да. Центральная Африка до сих пор остаётся для всех местом действия романов Райдера Хаггарда. Копи царя Соломона, священный цветок...

– Банановые республики и постоянные государственные перевороты, – прибавил Айзек.

Я помотал головой (и с трудом удержал руки, которые словно превратились в магниты, повернутые друг к другу одним полюсом, так их толкала друг от друга неведомая сила).

– Совсем другой слой масс-культуры. В общественном сознании он никак не связан с первобытными племенами, затерянными в джунглях городами и тайнами магии.

– А что насчёт Гаити? Все знают про магию Вуду. Почему бы тебе не воспользоваться образом Барона Самеди?

– Я думал о нём. Не годится, слишком современен.

– Жаль. Я бы посмотрел на это: страстное танго какой-нибудь горячей мулатки с долговязой фигурой в шляпе-цилиндре...

Айзек хохотнул.

– Именно что «ха-ха», – поморщился я. – Мне не нужна карикатура. Так что, найдётся у тебя что-нибудь подходящее?

С минуту Мортон улыбался своим мыслям. Я уже подумал, что он прослушал мою просьбу. Но тут он сказал:

– С тебя пятьсот баксов.

Я грязно выругался.

– С чего такие цены? Это же практически весь мой аванс!

Айзек пожал плечами.

– Ты знаешь: мои материалы не найти в Паутине. Их там нет. Думаю, ты и сам давно убедился: Сеть полна кичевых стилизаций да фанатских подражаний Вальехо. А это явно не то, что тебе нужно.

Я полез за смартфоном.

– На твой номер, как всегда? Держи, кровопийца.

Мортон принял перевод, потом его телеса вытекли из кресла.

– Жди здесь, – сказал он, подошёл к двери «склада» и щёлкнул замком.

Через несколько минут он вынес ветхую книгу в тяжёлом кожаном переплёте, на котором едва виднелись следы тиснения. Названия было не разобрать. Между страниц виднелось не меньше дюжины закладок разного цвета. Айзек расчистил место на столе и жестом пригласил меня приблизиться.

– «Путешествие Освальда Грея по первой параллели», – сказал он и открыл книгу на красной закладке. – Вот с этой главы начинай, тут для тебя будет кое-что интересное.

Он пододвинул мне стул. Я выложил на стол блокнот с карандашами и устроился перед книгой. Однако Айзек продолжал стоять над плечом. Я спохватился и протянул ему смартфон.

– Ты ведь понимаешь...

– Никакого копирования, – кивнул я. – Слушай, а этому парню можно доверять?

– Нет, – усмехнулся Айзек. – Он был бездарностью и неудачником. Искал в Африке алмазы. Предпринял две экспедиции, из обеих едва вернулся живым. Потерял в джунглях много спутников. Давать деньги неудачнику в третий раз никто не захотел. Так что сэр Грей вернулся в Англию и попытался заработать на описаниях Чёрного континента. Из этой затеи тоже ничего не вышло, потому что Освальд не был учёным. Он не мог разобраться в том, что видел. Его «Путешествие...» оказалось никому не нужным. Кстати, он много врал.

– Так что мне пользы в его выдумках? – разочарованно протянул я.

– А ты диссертацию по нему писать собрался? Или опасаясь, что публика в «Сладком местечке» упрекнёт тебя в этнографическом невежестве? Читай! Айзек Мортон плохого не посоветует.

С этим я не мог поспорить. Если наш прошлый проект полетел в тартарары, то вовсе не из-за Мортон. Он подобрал отличный материал. Опираясь на какую-то скверно сохранившуюся копию древнего тибетского манускрипта, я создал отменную модель йети. Парень из «Коламбии» жал мне руку, называл гением и говорил, что созданное мной чудовище будет новым словом в кинематографе. А через пару дней, смущаясь, сообщил, что йети оказался слишком нетипичным, и продюсеры от него отказались.

Когда я спросил, что эти умники имеют в виду, говоря о «нетипичном йети», парень намекнул, что моё чудовище слишком страшное.

«Слишком страшное, чтобы стать персонажем фильма ужасов? – не понял я. – Интересно, как бы развивался кинематограф, если бы такой ответ дали ребятам, которые придумали Чужого и Хищника?»

Парень из «Коламбии» как-то странно посмотрел на меня и сказал, что ребята, придумавшие Чужого и Хищника, до премьеры наслушались вещей и похуже.

...Натуралистом Освальд Грей был посредственным, писателем – ещё худшим. Попытки вчитаться в его свинцовый текст внушили мне мысль, что Чёрный континент – место довольно унылое.

Там растут «большие деревья» и «очень большие деревья». Там текут «мутные ручьи», которые впадают в «мутные реки» либо в «мутные озёра». По берегам стоят «компактные группы плетёных хижин», в которых живут «негры» (я ни разу не заметил «аборигенов», «туземцев» или «местных жителей», а «чернокожими» были почему-то только женщины и дети).

В джунглях Грея, помимо слонов и жирафов, можно встретить «крупных пятнистых кошек», «мелких ушастых тварей» и ещё много неопределённых представителей фауны. Также в них вдоволь «коричневых змей», «пёстрых змей», «красно-зелёных змей», «опасных змей», «ядовитых змей»...

Негритянские поселения отличаются друг от друга тем, что «женщины тут носят совсем другие украшения», «мужчины раскрашивают кожу иначе» и «по-особенному изготавливают луки и стрелы».

И так – страница за страницей. Как это выпустили хотя бы минимальным тиражом, не представляю. Наверное, издателей, как и меня, покорили рисунки...

Книга была обильно иллюстрирована литографиями, подготовленными автором. Неудачливый искатель сокровищ напрасно тратил время и здоровье в экспедициях. Ему следовало отточить искусство графического рисунка, и он мог прославиться, не переступая порога своего дома.

Глава, которую указал мне Мортон, содержала рассказ о трёх «компактных группах плетёных хижин», обитатели которых враждовали между собой за право обладания каким-то «священным предметом культа». На рисунке было изображено подобие штандарта, обвешанного бубенцами и увитого лентами.

Вялотекущая война между племенами шла не первый год. К моменту появления экспедиции Освальда Грея «штандарт» принадлежал племени, которое поклонялось «толстому идолу». Племена «высокого идола» и «двойного идола» вели переговоры о совместном нападении на общего врага. Переговоры, правда, привели к спору и побоищу. Надо полагать, военные вожди, вместо того, чтобы обсуждать стратегию, взялись решать, кому будет принадлежать «штандарт» после победы.

Верх одержали поклонники «двойного идола», приютившие экспедицию Грея. Победу принёс выстрел самого Освальда, который, опасаясь за спутников, убил предводителя людей «высокого идола» – «негра, носившего особенно пышный наряд».

Решив, что появление белых людей принесло удачу, они уговорили путешественника помочь им в войне. Освальд отказывался наотрез, говоря, что его интересуют только алмазы. Туземцы, не долго думая, пообещали ему указать путь к алмазам. Освальд, невзирая на сопротивление спутников, тотчас согласился.

Авантюра не увенчалась успехом. Люди «высокого идола» на удивление быстро стакнулись с людьми «толстого идола» и учинили резню, которую не смогли предотвратить даже ружья пришельцев. Грей с остатками спутников бежал, бросив лошадей и припасы. Через неделю скитаний на берегу очередной мутной реки он нашёл очередную группу плетёных хижин, и началась новая глава. Я вернулся к иллюстрациям трёх идолов.

«Толстый» меня не заинтересовал. Это была разновидность «первобытной Венеры»: условная фигура беременной женщины с преувеличенными грудями. Типичное божество плодородия, которому нечего делать на сцене стрип-клуба. А вот «высокий» и «двойной» идолы сразу привлекли моё внимание. Они были исполнены более искусно, в них чувствовалась истинно дикарская энергетика. Их грубые очертания несли в себе какую-то таинственную соразмерность, которая делала их почти живыми.

– Это явно покровитель охоты, – сказал я, указывая на «высокого идола». Он был изображён с копьём и трофеем – головой лани. – А что насчёт парного идола?

– Хороший выбор, – охотно отозвался Мортон. – О нём я могу кое-что рассказать. Дело в том, что сочинение Освальда Грея однажды всплыло в мировой науке. В середине двадцатого века его упомянул исследователь мифологии африканских народов Борис Моруа. Оказывается, изображение этого «двойного идола» – единственное на свете. Моруа связал его с культом Кетхумы, который фрагментарно встречается на территории нескольких государств Центральной Африки. Это было весьма любопытное божество. Клади сотню сверху, и я расскажу о нём всё, что знаю...

Глава 2.

– Святое дерьмо! – воскликнул Твидл, листая альбом и разглядывая мои наброски. – Что это за херня?

Стоявший за его плечом Сэл Гришем хранил молчание. Я напрягся. Я три дня работал почти без сна, поддерживая силы только кофе и сигаретами. Такого вдохновения я не испыты-

вал никогда прежде. Оно снизошло на меня ещё в квартире Айзека Мортон и оставалось со мной до этой самой секунды. Восклицание Гарри Твидла разбило его, как стеклянную вазу.

Словно пелена вдруг слетела с моих глаз. Я понял, что слишком увлёкся. Забыл, что создаю эскизы не для себя, а для других людей. Сытых, выпавшихся, ничего не знающих о Кетхуме и озабоченных только тем, как заставить публику приносить в «Сладкое местечко» больше денег.

– Так что это за херня? – повторил вопрос Твидл. – Что ты употреблял, когда изобретал это страшилище?

– Только кофеин и никотин, – ответил я, надеясь, что мне удаётся удержать на лице маску самоуверенности. – Что вас смущает?

– Скорее, выводит из себя. Люди приходят в «Сладкое местечко», чтобы возбудиться. А ты предлагаешь им испытать тошноту?

Глаза Твидла горели огнём праведного гнева. Гришем смотрел на меня настороженно. Словно, если я сумею объяснить свою шутку, он расслабится и посмеётся, а если поймёт, что я не шутил, побежит за верёвкой и мылом, чтобы вздёрнуть меня прямо в баре, над сценой.

Я чувствовал себя так, будто последних три дня провёл в космосе, и вдруг оказался на Земле, и сила тяжести, стасковавшись по мне, навалилась с удвоенной силой. Чёртова гравитация вдавливала в кресло, в котором я сидел перед обширным столом Гарри Твидла. Я собрал волю в кулак и сказал:

– Что делают ваши девочки, мистер Твидл? Они танцуют на шесте. Если бы в мире больше не было девочек или шестов, я бы сказал, что этого достаточно. Но в мире полно и того, и другого. Почему именно ваши девочки должны запоминаться? Почему именно к ним должен тянуться мужчина?

– Потому что они красивы, – глухо прорычал владелец «Сладкого местечка».

– Не обижайте других девочек этого мира, мистер Твидл! – воскликнул я. Руки, конечно, давно уже раскинулись, точно я намеревался обнять Твидла вместе со столом и Гришемом. Я мысленно плюнул на них – пускай ведут себя как хотят, сейчас важнее успеть высказать то, что поможет мне вернуть расположение этого упёртого мудака, прежде чем он вышвырнет меня на улицу. – Мужчина ищет не просто красотку. Он ищет свою собственную мужественность...

– Сопляк! – взревел Гарри Твидл, как медведь. – У тебя молоко на губах не обсохло, а ты собрался учить меня моему же бизнесу?

Гришем положил руку ему на плечо.

– Эй, Гарри, из-за чего ты разнервничался? Пускай парень выговорится, от нас не убудет, если послушаем...

Твидл хлопнул ладонью по столу.

– Пустая трата времени! Мне нужны идеи для номеров, а не болтовня парня, который не умеет зарабатывать деньги и поэтому строит из себя философа.

– Он художник, Гарри. Мы видели работы. Они нам обоим понравились. Только поэтому я и предлагаю послушать мистера Гейтса.

Твидл усмехнулся. Спасибо моему знаменитому однофамильцу: стоит мне где-нибудь представиться, я часто встречаю такие добродушно-насмешливые улыбки. Они мне уже осточертели...

Я вновь отправил руки шнырять по воздуху и продолжил:

– Всех нас привлекают девушки, за которых мы хотели бы побороться. Если злой тролль обижает прекрасную принцессу, мы захотим её защитить. Жертвы заставляют нас ощутить в глубине себя первобытную мужественность...

– Но почему злой тролль обязательно должен быть таким отвратительным... мистер Гейтс? – скривился Твидл.

– Потому что прилизанная карикатура не вызовет настоящего чувства, – сказал я. – Мои монстры не просто отвратительны. Они несут угрозу. Рядом с ними любая девушка покажется вдвойне более прекрасной. Зритель почувствует потребность защитить её. Переверните ещё пару страниц, мистер Твидл. Рисунки самого чудовища не так важны...

Он пролистал детальные изображения морд обеих ипостасей Кетхумы и остановился на рисунке, которым я особенно гордился.

Это был общий план: меж двух идолов стояла Пэм Трэвис. чёрный бриллиант в коллекции Твидла. В её чуть согнутых стройных ногах, в стремительном повороте нагого гибкого тела читались страх и отчаянная отвага.

Твидл затянулся сигарой и прокаркал:

– Ах ты, хитрый сукин сын! Она как будто выбирает одно из этих чудищ?

– Она обязана это сделать, – кивнул я. – От того, перед кем из чудовищ она склонит колени, зависит всё мироздание. Такова мифология Кетхумы. Листайте дальше, мистер Твидл...

Однако он проигнорировал мои слова, жадно рассматривая изумительную фигуру Пэм Трэвис, будто не видел её тысячу раз прежде. Что ж, этот рисунок мне действительно удался!

– Она просто чудо, верно, Сэл?

– Исключительно хороша. И прекрасно умеет двигаться. Если мы дадим ей новый танец...

– Да-да... Так, на чём я остановился?

– На том, что нужно перелистнуть страницу, – подсказал я.

Твидл даже бровью не повёл в мою сторону.

– А, Сэл? Что я сказал до того, как восхитился милашкой Пэм?

– Ты назвал мистера Гейтса хитрым сукиным сыном.

– Точно! А знаешь, почему я его так назвал?

– Нет, Гарри. Скажи мне.

– Потому что он умеет поиграть на нервах. Он придумал такой отвратительный антураж, что ему, должно быть, самому стало тошно. И он изобразил Пэм, чтобы попытаться сгладить впечатление. Игра на нервах, понимаешь, Сэл? Дешёвый голливудский трюк.

– Если этот трюк работает...

Твидл нахмурился.

– Только не со мной! Я не люблю, когда пытаются играть на моих нервах.

Он захлопнул альбом и толкнул его. Альбом прокатился по гладкой столешнице, и я едва успел его поймать. Моё сердце сжалось.

– Я не буду требовать вернуть аванс, верю, что ты честно пытался, парень. Но ты напрасно попытался подсунуть мне эту дрянь. Возвращайся, если придумаешь что-нибудь стоящее. А сейчас уходи.

Я медленно поднялся на ноги.

– Если бы вы посмотрели, что я нарисовал дальше...

– Я не привык повторять дважды!

Его взгляд источал злобу. Я не мог найти этому объяснения. Отказ ошеломил меня, я двинулся к двери, как во сне.

– Что с тобой, Гарри? – воскликнул за моей спиной Гришем. – Мне его работа понравилась...

– А мне – нет!

Зажав альбом под мышкой, я вышел из кабинета.

Глава 3.

Бар уже работал, но посетителей было немного. Молодая парочка, смаковавшая не столько свои салаты, сколько друг друга, белый воротничок, торопливо поглощавший стейк, несколько туристов с длинноногими жёнами в джинсовых шортах.

Я заказал коктейль и сел поближе к эстраде. Очень хотелось курить, но в «Сладком местечке» курить разрешалось только с семи вечера. К этому времени начинали стягиваться настоящие клиенты. К половине восьмого Роджер Багз выходил со своим саксофоном, чтобы тягучими звуками оторвать публику от суеты минувшего дня. Сакс глушил ненужные разговоры, обволакивал и заполнял душу томительным призраком несбыточного покоя.

Потом к Багзу присоединялась Джульетта и разогревала публику лёгкой песенкой. Вторая песня, ещё задорнее, звучала уже под минусовку. Джульетта начинала танцевать. Она даже бретельке не позволяла сползти с плеча, но её движения и озорной взгляд уже будоражили воображение. Потом появлялся седоватый, но всё ещё бодренький жеребчик Бенни с коротким конферансом, и наконец начиналось то, чего ждали посетители...

Я всё это видел несколько раз, пока работал над фигурами на вилле Гришема. Салливан порой возил меня на шоу, чтобы я присмотрелся к движениям танцовщиц и проникся образами, в которых они выступали. То, как продумана программа, мне нравилось. Но, видимо, мало кто разделял мою точку зрения. Ни разу я не видел, чтобы зал в «Сладком местечке» был заполнен более, чем наполовину...

Ах, до чего же хочется курить! Однако я знал, что, выйдя отсюда, уже никогда не вернусь, и терпел. Не могу объяснить почему, но мне здесь нравилось.

Мой взгляд против воли шарил по эстраде. Я отчётливо видел, где нужно разместить Кетхуму и Нбону. Что за муха укусила старого козла? Разве он не видел, что я придумал потрясающий номер?

Что ж, пускай сидит на жопе и терпит убытки! Пускай выписывает себе и Гришему бонусы, достаточные, чтобы содержать виллу, и при этом скулит, что заведение не приносит дохода. Должно быть, не так уж сильно он любит свой бар...

Я допил коктейль и заказал второй. Мне принесла его официантка Дорси.

– Что-то у вас грустный вид, мистер Гейтс, – заметила она. – Неужели мистер Твидл отказал вам?

– Смоки Рэй, – напомнил я. – Не называйте меня по фамилии, я этого не люблю. Я – Смоки Рэй.

Она мило улыбнулась. Это была очаровательная круглолицая девушка в чёрной кофточке без рукавов и короткой чёрной юбке, на которой лежали кружева белого передника.

– О, простите, мистер Смоки Рэй, я забыла...

– Прощаю, хотя обращение «мистер» тоже недолголюбиваю. И да, мистеру Твидлу не понравилась моя идея.

– Но вы же не отчаялись, правда? Вы придумаете что-то новое и придёте опять?

Я был дешёвым вечно начинающим художником, но почему-то персонал «Сладкого местечка» относился ко мне с долей почтения.

Я пожал плечами.

– Время покажет. Во всяком случае, я далёк от отчаяния, Дорси.

– Девочки из шоу в голос говорят, что вы талантливы. Я бы очень хотела, чтобы вы и с меня слепили статую...

– Обсудим это в другой раз, о'кей, Дорси? – попросил я, и она, кивнув, оставила меня в покое.

Про то, что я далёк от отчаяния, я сболтнул бездумно, просто чтобы не выглядеть размазнёй. Но теперь, когда эти слова были произнесены, они оказали на меня благотворное действие. В самом деле, разве я не могу показать свои эскизы в других местах? Где-нибудь отыщется человек, который поверит в мою затею...

– Ты ещё здесь, Смоки Рэй?

Сэл Гришем, прихрамывая (он попадал в аварию), приблизился и подсел к моему столу.

– Хорошо, что ты не ушёл. У меня был долгий разговор с Гарри. Мне не удалось его убедить, но я уверен, что ещё сумею это сделать.

– А нужно ли, мистер Гришем?

– Нужно! Я верю: твои идеи помогут вытащить «Сладкое местечко» из задницы. Так что не вздумай отчаиваться.

– И мысли такой не было.

– Ну, уж меня-то не пытайся обмануть. Я бы не стал хорошим распорядителем, если бы не разбирался в людях. Я вижу: ты предложил Гарри лучшее, что у тебя было. И ты сделал предложение не только ради денег. Ты хочешь воплотить свои замыслы именно здесь. Ты чувствуешь, что ты не чужой в «Сладком местечке».

– Но и не свой... – сказал я, отводя взгляд.

Хромой чёрт угадал главное: «Сладкое местечко» чем-то пленило меня. У этого места была душа, хотя обычно её трудно было распознать в чаду стрип-танцев, шумных и банальных.

– Уже почти свой, – возразил Гришем. – И если Гарри Твидл этого не понимает, это говорит лишь о его нечуткости. Я люблю старого барана, и он отличный делец, но чуткости ему всегда не хватало. По счастью, у него есть я...

– Мистер Гришем... Это, наверное, прозвучит дерзко, но меня так и тянет спросить. Почему вы и мистер Твидл не откажетесь от роскоши, чтобы поддержать заведение? Ведь вы сами вытягиваете из него все соки!

По лицу Гришема пробежала тень. Он быстро оглянулся и, нагнувшись ко мне, прошептал:

– Если бы я только что не назвал тебя своим, уже бы кликнул Дейла Бушеми и велел вышвырнуть тебя вон. Но я своих слов назад не беру. Поэтому просто намекну: это очень деликатный вопрос. Его никому не нужно задавать. Дождись, когда станешь своим окончательно. Договорились?

– О'кей, мистер Гришем...

– Вот и славно. А сейчас давай развеемся. Останешься на выступление?

– Нет, мистер Гришем, извините, но я... лучше поработаю.

– Как скажешь, парень. А я немного отдохну и тоже поработаю – над мозгами Гарри. Эта гадость, которую ты принёс... Как её, ты говорил, зовут?

– Кетхума.

– А второй?

– Нбона. Только он не второй. Это тёмная ипостась того же Кетхумы.

– Ну так вот, Кетхума и Нбона, считай, уже принадлежит «Сладкому местечку». Готов сожрать свой галстук, если не заставлю Твидла принять твою идею. Верить мне, парень?

Что ещё я мог ответить?

– Верю, мистер Гришем, даже при том, что никогда не видел вас в галстук.

– Это не значит, что галстука у меня вовсе нет. Ладно, иди, парень. Между прочим, мне показалось, или Дорси действительно неровно дышит к тебе?

– Думаю, вам показалось, – сказал я и допил коктейль.

– А я думаю, нет. Если что, не теряйся, она девочка славная. Не сумела пройти отбор, но всё равно решила остаться, хотя бы официанткой. Тайком занимается танцами, чтобы когда-нибудь прорваться на сцену. Уважаю упрямых. С удовольствием приму её, если она хорошо себя покажет. Ну, бывай!

– До свидания, мистер Гришем.

Я покинул бар.

Строберри-лейн, сонная днём, ожила с наступлением сумерек. Был час пик, на проезжей части было тесно от машин. По тротуарам текли реки торопливых пешеходов. Наверное, я был единственным человеком здесь, который никуда не спешил.

А впрочем, нет, спешил и я. Мне срочно требовалось выкурить сигарету. Место для курения располагалось на заднем дворе. Я обогнул здание, держа альбом под мышкой и одной рукой выковыривая сигарету из мягкой пачки «Пэлл Мэлл», лежавшей у меня в нагрудном кармане рубашки.

Наконец сизая отрава хлынула в истомившиеся лёгкие. Я замер, наслаждаясь тенью сожаления о том, что, видимо, никогда уже не смогу бросить эту отвратительную привычку. Слаб человек! Но как же приятно поддаваться слабостям...

Пожалуй, с не меньшим удовольствием я поддался влиянию Гришема. Он действительно неплохо разбирается в людях и, конечно, угадал, что я подумываю предложить Кетхуму кому-нибудь ещё. Что ж, мистер Гришем, я согласен подождать. Мне слишком хочется верить вам.

Вы любите упрямых? Отлично, я ещё поупрямлюсь, покуда не погасла последняя искра надежды задержаться в «Сладком местечке» и увидеть, как чёрный бриллиант Пэм Трэвис исполняет страстный танец между двух ужасных чудовищ, созданных моим гением...

– О, Смоки Рэй!

Я обернулся и увидел Дорси. Её повседневный наряд мало отличался от рабочего, только кофточка была белой, но тоже без рукавов и тоже соблазнительно обтягивала её аппетитную грудь.

Стоя около цепи, которая ограничивала автостоянку для персонала, она вытянулась в струнку и помахала мне рукой. Это не был мимолётный жест, она явно ждала ответа. Я тоже помахал, она улыбнулась ещё шире и не сдвинулась с места, продолжался радостно пожирать меня глазами.

Я сделал жадную затяжку, бросил окурочек в давно не убиравшуюся урну и направился к Дорси. Она приподнялась на носках, сложив руки за спиной.

«Полегче, Дорси, – мысленно сказал я. – Вовсе не обязательно ещё больше подчёркивать достоинства. Я и так ценю их, и как художник, и как мужчина...»

– У тебя была дневная смена?

– Ага! По средам я работаю только днём, а потом свободна как птица. Думаю теперь, куда сходить: в кино или в парк?

– А про кафе ты не думаешь?

Она мило сморщила носик.

– Только не сейчас. Хочу отдохнуть от этих бесконечных столиков.

– Какие фильмы предпочитаешь?

– Всякие!

Она точно чего-то хочет, подумал я. Или меня, или свою скульптуру. Поскольку девушек, которые действительно интересуются искусством, на свете немного, я почувствовал эмоциональный подъём.

– Ужасы?

– С удовольствием!

...Работая над скульптурами для виллы Гришема, я не думал о девушках из стрип-шоу как о сексуальных объектах. Ведь работая на распорядителя «Сладкого местечка», я в каком-то смысле был коллегой всех этих девушек. Думать о коллегах как о сексуальных объектах – скверная идея, я много раз слышал об этом от разных людей и считал это правильным...

– Боевики?

– Зашибись! И фантастика тоже.

...Но после отказа Твидла я уже не мог чувствовать себя коллегой работниц из «Сладкого местечка»...

– Знаешь, я даже скучные фильмы люблю смотреть.

– Да ну?

– Серьёзно. Хочешь, скажу, каким способом я их люблю?

Я подавил смешок, потому что выражение «любить тем или иным способом», разумеется, вызвало самые пошлые ассоциации.

...Наверняка она будет говорить о том, как хочет стать моей моделью. Но закончится этот разговор в постели. А потом...

Что будет потом, станет ясно наутро.

Вот каким способом она любила скучные фильмы: воображала, будто это она написала к ним сценарий и снимала как режиссёр. «С плохими скучными фильмами это даже просто, мне хватает ума сообразить, как можно было сделать лучше. Я смотрю плохие скучные фильмы до конца, но когда по экрану ползут финальные титры, в моей голове заканчивается уже совсем другое кино, гораздо лучше... Понимаешь, о чём я?»

Да, Дорси, я отлично понимал это! Примерно так я сам стал скульптором...

А вот каким способом она любила меня: сначала орально, потом пустила меня сзади, потом в позе «69», потом сверху, а потом я кончил.

Потом мне очень хотелось спать, но Дорси спросила:

– Есть желание принять со мной душ?

Желание откуда-то возникло, и в душе я ещё раз кончил, теперь уже на её восхитительную грудь.

Потом мы пили кофе у неё на кухне, я, с разрешения Дорси, курил, и она вдруг спросила:

– Можно поговорить с тобой серьёзно?

Я напрягся.

– Конечно...

– Я думаю, быть моделью не так просто, как кажется. Наверное, нужно иметь что-то особенное... не во внешности, а внутри. Я к тому, что... секс был клёвый, но секс – это просто секс, он сам по себе. А я на самом деле хочу быть моделью.

Я с удивлением заметил, что она волнуется.

– Просто хочу понять: смогу или нет? Все говорят, что ты отличный художник и славный парень. Я думаю, ты скажешь честно. Как по-твоему, я смогу?

Я прокашлялся.

– Что ж, если тебе нужен серьёзный ответ...

– Только серьёзный!

– О'кей.

Мои пальцы потянулись к пачке, но взять новую сигарету не успели, потому что я начал говорить, и руки привычно разбежались по своим замысловатым орбитам. Кажется, творческий процесс – это единственная ситуация, в которой я способен полностью контролировать свои верхние конечности...

– Секрет модели – не в самой модели. Произведение искусства присутствует в художнике изначально. Я сравнил бы это с незапланированной беременностью. Художник не может понять, что его тревожит, что давит изнутри. И однажды, если он не совсем невезуч, происходит совпадение. Бах! – и совпадает то, что ты видишь глазами, и то, что чувствуешь сердцем. То, на что ты смотришь в этот момент, или тот, на кого смотришь, и есть твоя модель.

По сути, я рассказывал о том, как творил Кетхуму. Миг у Азйека Мортонна, когда я увидел рисунки Освальда Грея, и стал мигом – бах! – совпадения.

Дорси слушала меня внимательно, даже губу закусил.

– Вот как... Знаешь, а мне всегда казалось, что настоящий художник творит другим способом... Нет, не подумай, Смоки Рэй, будто я тебя не считаю настоящим! Просто...

– Дорси, не мямли. Договаривай.

– Мне казалось, художник внимательно смотрит по сторонам, и однажды замечает в окружающем что-то... О, наверное, мне не стоит об этом говорить. Я ведь совсем не разбираюсь в искусстве.

– Не принижай себя, Дорси. Я понял, что ты хочешь сказать. Так вот, открою секрет: у каждого художника свой метод. Есть те, которые ищут вдохновения вокруг себя. Но я – первый тип. Когда наступает пора, хожу беременный своими идеями...

– И я не похожа ни на одну из твоих идей? – Дорси улыбнулась. – Что ж, я не в претензии. Может быть, мне когда-нибудь повезёт, и я встречу своего художника.

Несмотря на бодрый тон, я понял, что ей всё-таки обидно.

– Эй, не надо делать поспешных выводов! Пока мне попросту некогда было присматриваться к тебе.

– Ну, если для этого нужно время... Я не против, разрешаю присмотреться. А сейчас пошли спать...

Как ни странно, я долго не мог уснуть. Дорси меня удивила. Девочка из «Сладкого местечка», которая протирает столики, вытряхивает пепельницы, разносит пиво и собирает львиную долю сальных улыбок, вызванных танцем стриптизёрш, оказалась непростой натурой. Её представление о том, как работает художник, на самом деле относится к ней самой. Это она жадно всматривается в окружающее, поглощая без разбора людей, разговоры, фильмы – в действительности она ищет что-то особенное в себе.

Глава 4.

Наутро меня разбудили голоса.

– Дорси, я всегда была далека от того, чтобы учить тебя жизни, но, видимо, придётся изменить этому правилу. Что ты в нём нашла?

– Ты, наверное, очень удивишься, но он необычный парень. Если хочешь, я скажу, только не падай в обморок, о'кей? Так вот, представляешь, этот парень... он – художник!

– Оставь глупые шутки! Поверь, я знаю, о чём говорю. Никогда не влюбляйся в художника!

– О, прошу, не делай такое торжественное лицо... Твой опыт меня не убеждает...

Голоса отдалились. Я встал и начал собирать свою одежду, пытаясь сообразить, кто навестил Дорси в ранний час. Хотелось надеяться, что не мать. Судя по всему, Дорси вполне самостоятельная девочка, и всё-таки к встрече с её матерью я психологически не готов.

Впрочем, голос слишком молодой. И как ни странно, но показался мне знакомым.

Неосознанно стараясь не шуметь, я оделся и вышел из спальни. Голоса продолжали спор в гостиной. Мягко ступая, я направился к ним.

– Вообще, с чего ты взяла, что я влюбилась?

– Тогда что он делает в твоей постели, Зайка?

– Перепихнуться – не значит влюбиться.

Послышался шорох ткани.

– Я бы поверила, будь ты нормальной девчонкой, но ты же чокнутая! Оглянуться не успеешь, как втюришься в него по уши, а он – усвой это – выберет искусство... В конце концов, ты что, не видела, как этот парень смотрит на Пэм?

– Слушай, Джулия, ну хватит уже! Ты совсем не понимаешь... Пэм для него – модель, а не девушка. Это... это – бах! – Дорси сопроводила свои слова хлопком в ладоши. – Совпадение образа и той идеи, которую он вынашивал. Да и не собираюсь я соперничать с Пэм. И я не влюблюсь. Мы просто поговорили и просто потрахались, ничего больше. А в постели он, между прочим, неплох...

– Все интеллигентные мальчишки неплохи по первому разу, – ворчливо заметила названная Джулией. – Внимательные, чуткие... Потом они изучают твои эрогенные зоны и становятся

самоуверенными автоматами. А потом ты им наскучиваешь, и оказывается, что любые дела важнее тебя. Они доводят тебя до истерики, заявляют, что не могут находиться рядом с чёртовой сумасшедшей дурой и улетают искать новую жертву... Эй, что смешного я сказала?

Дорси хихикнула.

– Прости-прости! Правда, прости! Я не хотела тебя обижать. Просто... ну, мне кажется, ты немного торопишься с обобщениями. Две неудачи с парнями – не бог весть какой богатый опыт...

Подслушивать нехорошо. Интеллигентные мальчики не должны позволять себе такого. Я двинулся вперёд, шаркая и покашливая.

– Доброе утро, Дорси! Доброе утро, Джульетта! Не ожидал тебя увидеть.

– Привет, Смоки Рэй! – Дорси широко улыбнулась и помахала мне рукой. – Хорошо выпался?

– Отлично! Можно спросить, что вы собрались делать?

Мисс «Мы-Просто-Потрахались» как раз надевала на плечи лямки чёрных спортивных лосин. Её волосы были стянуты в тугий узел на затылке, сладкие яблочки груди прикрывал сиреневый топик.

Танцовщица и вокалистка «Сладкого местечка» Джульетта сидела напротив неё в кресле, закинув ногу на ногу. На подлокотнике лежала светло-бежевая сумочка с блёстками. На Джульетте были джинсовые шортики и блузка с коротким рукавом и воланами. Лицо у неё было хмурым, из-под чёлки каре меня сверлил сердитый взгляд холодно-голубых глаз.

– Джулия, если не затруднит. Я Джулия. Надеюсь, парень, ты не думаешь, что я действительно француженка?

– Нет, не думаю, хотя ты её убедительно изображаешь, – сказал я, решив не заострять внимания на том, что девушка, с которой у всего мира ассоциируется имя «Джульетта», вообще говоря, была итальянкой. – У вас тут школа танцев?

– Точно! Джулия согласилась поучить меня. Мы уже месяц тренируемся.

– Скажи лучше: мы месяц тратим попусту бесценные часы моего отдыха, – заметила хмурая Джульетта.

– Скажу, если хочешь, – пожала плечами Дорси. – Только ведь это неправда... Ну что, начнём?

– Нет. Я не собираюсь ничего делать под чужими взглядами.

Почему она смотрит на меня с такой злобой? На вилле Гришема её отношение ко мне было хотя и сдержанным, но вполне доброжелательным.

– Жаль, – сказал я. – Мне как художнику хотелось бы посмотреть на ваши занятия.

– А мне этого не хочется. Довольно того, что мужчины пялились на меня всю ночь. Но то была работа. Терпеть это и сейчас я не намерена.

Джульетта отвернулась. Мне подумалось, что даже мать Дорси, наверное, не устроила бы мне такой холодный прием.

Сказать ли ей, что она меня не интересуется как женщина?

– Джулия, не надо так, – мягко попросила Дорси. – Мне, между прочим, хочется, чтобы Смоки Рэй посмотрел на мой танец.

– Тогда сначала научись танцевать. Сейчас смотреть ещё не на что. А поскольку учу тебя я, то либо мы будем делать так, как я сказала, либо я оставлю вас наедине.

Я развёл руки примирительным жестом.

– Не надо горячиться, Джульетта... Извини, я хотел сказать: Джулия. Дорси, не расстраивайся. У Джулии есть все основания требовать комфортной обстановки. Я пойду.

– Хотя бы выпей кофе! И причешись, у тебя волосы слева слежались.

– Спасибо, Дорси, не откажусь.

– Кофе на кухне. По коридору прямо...

– Не волнуйся, найду по запаху!

Я помахал им обеим и удалился. Стоило прозвучать слову «кофе», как я понял, что умру без глотка этого напитка.

На кухне я налил себе крепкого кофе, не осквернив его ни каплей сливок, ни крупицей сахара. Аккуратно держа дымящуюся кружку, подошёл к окну, из которого открывался вид на наглухо загороженный и порядком заросший задний двор. Интересно, в доме есть газонокосилка? Едва ли, скорее, Дорси нанимает кого-то из местных мальчишек, когда ей приходит такая прихоть. А прихоть приходит, как видно, нечасто...

Дорси жила на окраине, в несколько обветшалом коттедже на плотно застроенной Мэйфлауэр-стрит. Все дома на ней выглядели чуточку неопрятными и слегка несчастными. Кажется, люди здесь не задерживались надолго. Либо протискивались поглубже в глотку Вегаса, либо вылетали в никуда, когда Неоновому городу приспичивало срыгнуть.

Из гостиной доносились приглушённые голоса. Слов было не разобрать, но исходившие оттуда флюиды не давали усомниться: Джульетта ждала, когда я исчезну.

Я подул на кружку и попробовал сделать глоток. Кофе был ещё горяч, как расплав. Я поставил кружку на стол и пошёл на заднее крыльцо, вытягивая сигарету. Краем глаза заметил движение в окне, но осознать его не успел. Задняя дверь распахнулась, и на пороге возник высокий парень в чёрной футболке.

Мы оба замерли, словно он был так же удивлён увидеть меня, как я его. Тотчас за первым парнем появился второй. На нём тоже была чёрная футболка, но уже украшенная логотипом «Металлики».

Я не успел ни о чём подумать. Тяжёлый кулак Мистера «Металлики» отправил меня в нокдаун, а тяжёлый ботинок высокого выбил весь воздух из груди.

Стук подошв, жестокий пинок в голову. Кажется, я слышал вскрик Дорси, но поручиться не могу: я провалился во тьму.

– Не надо! Помог... гх...

Это Джульетта. Возня, звонкий шлепок пощёчины, вскрик Дорси. Шлепок, вскрик, шлепок...

– Захлопни пасть, шлюшка!

Голос низкий, рычащий. Удар, стук падающего тела. Хрип Джульетты.

Я зашевелился, приходя в себя. Голова раскалывалась от боли. Перед глазами всё плыло, было трудно дышать.

И было страшно, как никогда в жизни. В школе я был не дурак подражаться, но даже в худшие дни не встречался с такой звериной жестокостью.

Бежать! Нужно бежать!

Я встал и хотел сделать шаг к двери, но тут меня повело назад, кухня закрутилась. Я чудом не упал, ухватившись за стол. Перевёл дыхание. Мой взгляд не отрывался от двери.

Бежать! Это самое разумное, что можно сделать. Я выбегу и позвоню в полицию...

– Куда собрался, парень? – спросил позади меня надтреснутый голос.

Я не стал оборачиваться – какая разница, кто из мерзавцев обладает этим голосом? – и ринулся к порогу, но он схватил меня за шиворот и бросил назад. Я опять налетел на стол, больно ударился бедром об угол. Новая боль отозвалась мучительным эхом в голове.

Это был высокий, тот, что появился первым. У него было длинное лицо с влажными выпяченными губами и блёклые глаза. В руке у него щёлкнул выкидной нож.

Он поднял оружие на уровень лица и глумливо усмехнулся.

– Сейчас кому-то будет очень больно, – пообещал он.

Из моей груди против воли вырвался невнятный скулёж. Он прозвучал настолько жалко, что мне самому стало тошно.

Из гостиной донеслись судорожные вздохи Джульетты. Я понял, что кто-то душил её, и только теперь отпустил горло девушки. Тотчас раздался треск раздираемой ткани и глумливый возглас:

– Йу-ху!

– Нет! – крикнула Дорси.

Её опять ударили.

– Покажи больше, детка!

Хохот...

Парень с влажными губами шагнул ко мне, поигрывая ножом...

Я схватил со стола кружку кофе и выплеснул ему в лицо. Губастый ублюдок завопил, а я изо всех сил ударил его по яйцам.

Его крик оборвался, он выронил нож и упал на пол, согнувшись в кольцо. Я подхватил оружие с пола.

Почему после этого я направился в гостиную, сам не могу объяснить. Одно могу сказать точно: я ни о чём не думал. За меня словно думал кто-то другой, и он точно знал, что сейчас ещё один из нападавших поспежит на шум. И точно, в коридоре застучали тяжёлые берцы.

Их обладатель не увидел меня, я успел прижаться к углу слева от внутренней двери. И когда на кухню ворвался парень с аккуратной бородкой, в клетчатой рубашке навывпуск, моя рука будто сама ткнула его ножом в бок.

Лезвие с изумительной лёгкостью вошло в плоть, а вышло уже с трудом. Парень охнул, упал на колени и начал заваливаться влево.

Я пнул его, чтобы упал побыстрее.

Страх сменился феерическим азартом. Под кожей словно полыхал огонь. От меня, наверное, можно было прикуривать. Только что я готов был молить о пощаде,

(да-да, тот скулёж был неудачной попыткой произнести: «Пожалуйста, не делайте этого, я всё сделаю, только не убивайте меня, прошу вас, пожалуйста, не надо...»)

и вот уже я завалил двоих, нагнавших на меня такой подлый, унижительный страх! Остановиться было невозможно. Начисто забыв о боли, я ворвался в гостиную.

Джульетта стояла, прижавшись голой спиной к стене и держась обеими руками за горло. Она была обнажена по пояс, обрывки блузки торчали из-за пояса шорт. Рядом лежало перевернутое кресло, сумочка отлетела к ногам танцовщицы.

Дорси замерла в руках Мистера «Металлики». К её горлу было прижато лезвие ножа.

А посреди гостиной стоял ещё один, в спортивной куртке, из-под которой выбивалась белая футболка, с короткой стрижкой. Роста он был среднего, но у него были очень длинные руки, доходившие почти до колен. Он изрядно напоминал гориллу – и телосложением, и лицом.

Весь мой азарт куда-то подевался. Наконец-то в голове возникла осознанная мысль:

«Надо было бежать и звать полицию...»

Но теперь я уже не мог обмануть себя тем, что так помог бы девушкам.

Я всё ещё не понимал, что происходит, но чувствовал: Дорси и Джульетте несдобровать. А если подонки будут знать, что я сбежал, это только ускорит страшную развязку.

– Ах ты сукин сын, – пробормотал Мистер «Металлика». – А ну-ка, брось нож! Иначе я нарисую этой девочке второй рот, пониже и пошире того, который она не хотела закрывать.

Остаться с голыми руками? Нет уж, я не хотел оказаться безоружным перед этими подонками.

– Это ты брось – тогда позволю уйти живым, – сказал я, как надеялся, грозным тоном. – Просто уходите, парни, и останетесь целы.

Дорси вскрикнула, и я вздрогнул, увидев, как лезвие ножа ползёт по её горлу. Того, что разрез неглубокий, я не разглядел, мне было видно только кровь, струйкой скользнувшую по её шее до сиреневого топка.

– Нет! – вырвалось у меня.

Мистер «Металлика» расплылся в улыбке.

– Бросай!

Я швырнул нож на ковёр. Это конец. Я дурак, я полный кретин, я сам отдаю себя в руки ублюдков, которым меньше всего на свете нужны свидетели...

Но что тут ещё можно сделать, я не знал.

Мистер «Металлика» обратился к Горилле:

– Займись им, бро.

– Без проблем, – прорычал тот низким голосом.

А может, ещё не поздно сбежать? Вряд ли он будет долго за мной гнаться...

Вот это последнее предположение оказалось верным. Горилла точно не стал бы гнаться за мной долго. Разве что я был бы чемпионом мира по спринту – тогда да, Горилле потребовалось бы минуты три, чтобы настичь меня.

Он двигался со скоростью, поразительной для такого увальня. В мгновение ока он оказался рядом со мной и если не раскроил мою голову своим огромным кулаком, то лишь потому, что мои ноги уже подкосились.

Кулак с треском врезался в дверной косяк над моей головой. Я обхватил Гориллу обеими руками и толкнул.

– А-а!

Кажется, это кричал я...

Он оказался ещё тяжелее, чем я ожидал, но всё-таки упал, и я прыгнул на него сверху, молотя кулаками по мерзкой роже.

Мистер «Металлика» отшвырнул Дорси и шагнул ко мне, однако Зайка удержалась на ногах и, метнувшись к нему, пнула в колено. Занятия танцами не прошли даром: по-настоящему драться она не умела, зато прекрасно владела своим телом, и потому не промахнулась.

– Сука!

Мистер «Металлика» упал, тотчас вскочил с перекошенным от ярости и боли лицом. Он сделал быстрое движение, метя ножом в лицо Дорси. Та едва успела отскочить и бросилась к лестнице. Но уйти ей не удалось.

Он настиг Дорси на нижней ступени и полоснул её по спине сверху вниз. Брызнула кровь, узкий топик распался на две половины.

Девушка взбежала на несколько ступеней, прежде чем боль обожгла её, и она упала. Мистер «Металлика» упёрся левой рукой в стену, правую, с зажатым в ней ножом, положил на перила, подпрыгнул и приземлился обеими ногами на бок Дорси.

– Получи, шлюха!

Крик девушки не поддавался описанию.

Я хотел вскочить, но тут лапы Гориллы обхватили меня так, что затрещали кости. Он бросил меня и, прежде чем встать самому, припечатал к полу ударом кулака по солнечному сплетению.

Наверное, если бы меня ударили кувалдой, было бы легче.

Резкий хлопок я едва расслышал. Потом как будто кто-то крикнул, хлопок повторился. Я ничего не видел и не слышал. У меня было куда более насущное занятие, чем пытаться что-то рассмотреть или расслышать. Задачей номер один сделать хотя бы один вдох.

Когда лёгкие уже горели от нехватки кислорода, воздух начал понемногу проникать в меня. И постепенно пришло осознание, что в гостиной стало тихо. Никто никого не догонял, не бил, никто не орал...

А ещё в гостиной появился незнакомый кисловатый запах.

Что это за запах, я узнал только вечером, в госпитале Спринг-Вэлли...

Глава 5.

Детектива звали Морган Фэрроу. Это был сухощавый блондин со стрижкой «ёжиком» и жёсткими чертами лица. Он навестил меня в больнице в тот же вечер и, поздоровавшись, обрадовал сообщением, что врачи находят моё состояние удовлетворительным.

– Мне бы их оптимизм, – отозвался я, морщась от боли. – Чем я могу вам помочь, детектив Фэрроу?

– Неужели не догадываетесь? – Он уселся на стул рядом с кроватью. – Расскажите всё, как было. Начните с себя. Кто вы, откуда?

– Моё имя – Джон Рэйхард Гейтс... Детектив, что с девушками? Дорси и Джульетта – они не пострадали?

Он его колючего взгляда было неуютно, но я решил не отступать.

– Пожалуйста, скажите. Мне больше не у кого узнать. Я пытался дозвониться до Сэла Гришема, но он не берёт трубку...

– Вы помните, чем закончилось нападение? – спросил Фэрроу.

– В том и проблема, что нет! Я потерял сознание и очнулся уже здесь.

– Что ж, обе девушки живы. Одна даже цела. Второй придётся провести в госпитале какое-то время.

– Слава богу! Она где-то здесь?

– Так не годится, мистер Гейтс, – покачал головой детектив. – Во-первых, вам, насколько я знаю, рекомендовано спокойно пребывать в горизонтальном положении, а не изображать ветряную мельницу. Во-вторых, вопросы должен задавать я, а вы – отвечать на них. Если, конечно, мы оба хотим, чтобы расследование благополучно завершилось.

Я заставил себя откинуться на подушку. Изголовье кровати было установлено под углом, так что мне было удобно разговаривать... и размахивать руками.

– Извините, сэр. Спрашивайте.

Он вынул блокнот и авторучку.

– Итак, кто вы и откуда.

– Я родом из Бангора, штат Мэн. Окончил художественный колледж. Мне двадцать пять, и я хочу покорить Голливуд. Вот, собственно, и всё.

– Голливуд и Лас-Вегас – это разные планеты... Не говоря уже о Бангоре, штат Мэн. Каким ветром вас сюда занесло?

– Наследство. Шесть лет назад умерла моя тётя. Мне досталась в наследство квартира в старом доме на Линч-корнер, под самой крышей. Я думал продать её, но потом решил оборудовать в ней мастерскую. Оттуда и совершал экспедиции на планету Голливуд.

Морган Фэрроу задал ещё несколько вопросов о моей биографии, делая пометки в блокноте, потом перешёл на другую тему:

– Как давно вы знаете мисс Доггерти?

– Я её вообще не знаю. Я провёл ночь с девушкой, которую все называют Дорси.

– Как это случилось?

– Как бывает иногда между молодыми людьми, которые приглянутся друг другу. Я видел её несколько раз в баре «Сладкое местечко». Это стрип-бар на Строберри-лейн. Она работает там официанткой. Мы иногда разговаривали... Я не ждал, что это обернётся романтическим приключением.

– Как же вам удалось её подцепить?

– Не я подцепил её – она меня. Причём с вполне определённой целью. Дорси хотела побыть моей моделью.

Морган Фэрроу кивнул и сделал ещё одну пометку в блокноте. А я вдруг подумал, как далека от истины картина, которая, должно быть, уже выстраивается в его мозгу.

Молодая девчонка «хочет побыть моей моделью» – то есть стремится к успеху. Мечтает о славе. Как обыденно и даже пошло это звучит, даже когда проговариваешь мысленно. Как

непохоже на смутное томление от недовольства собой, на поиск какого-то особенного средства, которое поможет разобраться в себе, найти в своей душе то, что не может проявиться в обыденной жизни...

Он подробно расспросил меня о работе на вилле, потом о несостоявшемся заказе для бара. Говоря, я всё больше размахивал руками, и в какой-то момент вздрогнул от вспышки боли. Солнечное сплетение у меня было словно зацементировано, от неловкого движения по цементу побежали трещины. Фэрроу наконец перешёл к событиям минувшего вечера.

– В баре было много народу?

– Нет, до выступления ещё оставалось не меньше часа. Человек шесть-семь...

– Среди них был кто-то из нападавших?

– Что? А... Н-нет, не думаю...

Вопрос Фэрроу странным образом исправил что-то в моей голове. Внезапно я понял, что дом Дорси подвергся нападению не случайно.

– О чём вы задумались?

– О том, что они появились сразу с двух сторон. Не похоже на случайный визит воров. И то, как они вели себя... Они напали не на дом – на Дорси или... на Джульетту!

– Давайте не будем спешить с выводами. Пока просто восстановим картину происшествия. Итак, в баре не было никого из тех, кто напал на вас? Вы уверены в этом? Если я правильно понял, вы были не в лучшем настроении...

– Это так, но для меня привычно приглядываться к людям. Я всегда ищу интересную позу, жест... Но дело не в этом. Ведь потом, после «Сладкого местечка», нас с Дорси видели сотни людей!

– Глупо спрашивать, но вы не заметили слежки?

– Нет, иначе бы вспомнил сейчас... – Я перевёл дыхание. – Мистер Фэрроу, в чём бы ни уверяли вас врачи, мне ещё трудно разговаривать. Давайте о том, что произошло в доме Доггерти.

Он удивлённо взглянул на меня и улыбнулся.

– Дорси носит фамилию Ливингстон. Джулия Доггерти – это танцовщица, которую все знают как Джульетту. И я всё-таки хотел бы услышать, как давно вы с ней знакомы.

– Не дольше, чем с любой другой девушкой из «Сладкого местечка» – Я поменял позу, чтобы было легче дышать. – Детектив Фэрроу, честное слово, мне больно разговаривать.

– Осталось совсем немного, – заверил он, переворачивая лист блокнота.

Он соврал. Либо мы с ним живём во вселенных с разным течением времени, и по его представлениям тридцать минут – это «совсем немного». Под конец беседы я был совершенно измучен.

Только в один из моментов я встрепенулся – когда Фэрроу спросил, помню ли я, в кого был сделан первый выстрел.

– Выстрел? Так это был запах пороха, да? Я и не догадался! Но кто же стрелял?

Фэрроу помедлил и ответил:

– Джульетта. Напавших ждал большой сюрприз: она оказалась вооружена. Постарайтесь вспомнить. Что именно вы делали, когда раздался первый выстрел?

– Я как раз терял сознание...

Меня спасла медсестра, которая вошла в палату и обрушилась на детектива:

– Вы обещали не утомлять его! Немедленно уйдите, или я пожалуюсь на вас!

– Хорошо, хорошо, уже ухожу. Мне ещё нужно будет поговорить с вами, так что никуда не уезжайте из города, мистер Гейтс. Так вы уверены, что никогда раньше не видели ни одного из нападавших?

– Детектив! – В голосе медсестры слышалась явственная угроза.

– Уверен, мистер Фэрроу.

– Что ж, выздоравливайте, мистер Гейтс!

Сукин сын ушёл. Медсестра поправила мне подушку и сердито велела отдыхать:

– Не напрягайтесь. Вам нужен покой.

– Я всего лишь устал разговаривать...

– Если точнее, вы устали размахивать руками. Впрочем, это для вас одно и то же. Поэтому вы будете лежать и выполнять дыхательную гимнастику. А я скажу, что к вам сегодня нельзя никого пускать.

– Кто-то хочет меня увидеть?

– Лежите! Вам станет хуже, если будете волноваться...

Преодолевая боль, я сел на кровати.

– Послушайте, меня чуть не убили. Я был на волосок от смерти. Как по-вашему, чтобы успокоиться после такого, достаточно просто лежать бревном?

– Я принесу вам успокоительное...

– Я не успокоюсь, пока не узнаю, кто ко мне пришёл!

Она всплеснула руками.

– Хорошо, я спрошу разрешения у доктора. Только перестаньте жестикулировать...

Медсестра вышла из палаты. Я упал на подушку и вытянул руки вдоль тела. Интересно, на каком основании доктор считает, что я в порядке? Он говорил, что внутренние органы не повреждены, однако, просто сев на кровати и опять повалившись на неё, я весь покрылся испариной. Трещины в цементе стали широкими и расползлись по всему телу.

Ожидание показалось мне невыносимо долгим. Кто мог навестить меня? Я жил затворником, был слишком занят своими работами, и потому за шесть лет в Вегасе обзавёлся только множеством поверхностных знакомств, но ни одного настоящего друга у меня не было.

Айзек Мортон как-то сказал мне, что именно по этой причине мне не удаётся пристроить свои проекты. Талант не имеет значения, говорил он, если нет дружбы с нужными людьми. Поначалу я думал, что Айзек просто слишком циничен, и пытался убедить его, что настоящий талант всегда пробьёт себе дорогу.

Со временем начал понимать: Айзек знал, что говорил...

Наконец дверь отворилась.

– Джулия! Не ожидал увидеть... Эй, что-то случилось?

Девушка была бледна как полотно.

– Если не считать того, что сегодня с утра я застрелила двух людей, которые хотели меня изнасиловать... Тогда можно сказать, что ничего не случилось. Обычный, ничем не примечательный день! – нервно хохотнула она.

– Прости, это прозвучало глупо... Как ты себя чувствуешь?

– Вообще-то, я сама пришла спросить тебя об этом. Что до меня, то я чувствую себя отвратительно. Попробуй как-нибудь пристрелить двух человек, поймёшь.

– Джулия, ты всё сделала правильно. Ты спасла нас. Ты молодец, слышишь?

Она не столько села, сколько упала на стул, на котором недавно сидел детектив Фэрроу.

– Молчи уж! Про то, какая я молодец, мне психолог два часа рассказывал. Под конец я готова была убить и его. Господи, да меня всю трясёт! Что это было, Смоки Рэй? Почему это случилось? Почему они просто пришли и...

Слёзы полились у неё из глаз двумя блестящими ручьями. Я встал и, задыхаясь, подошёл к ней, положил руку на плечо. Джульетта попыталась отодвинуться, но я как-то догадался, что на самом деле она этого не хочет, и обнял девушку. Она прижалась ко мне и зарыдала в голос.

Я молча ждал и терпел боль. Потом в глазах потемнело, я пошатнулся.

– Смоки Рэй! – Она вскочила со стула, размазывая слёзы по лицу. – Да ты едва стоишь! Быстро ложись...

Джульетта помогла мне сделать два шага до кровати и лечь.

– Боже, я совсем расклеилась. А ведь шла спросить, как ты, и... сказать спасибо.

– Мне? За что? – выдохнул я в промежутках между всплесками боли.

– Если бы вы с Дорси не дрались, я бы ни за что не рискнула взять пистолет. Уже два года хожу с ним, думала, я крутая, а оказалось... Оказалось, даже когда с тобой готовы сотворить что-то ужасное, притронуться к оружию так страшно! Я только и думала: если они увидят пистолет, то озвереют по-настоящему...

Я поднял руку, и Джульетта машинально схватила меня за ладонь.

– Так и держи, – попросил я. – Не отпускай. Иначе моя рука опять начнёт плясать, а это больно. Я просто хочу сказать: всё уже кончилось. И ты поступила правильно. Поверь человеку, который без твоих выстрелов был бы уже мёртв. Спасибо тебе, Джульетта... о, прости, Джулия!

Она отняла руку.

– Ладно, хватит уже сантиментов. Остановимся на том, что мы все втроём молодцы.

– Ты знаешь, что с Дорси?

– Да, я сперва навестила её. Ей крепко досталось...

– Но она поправится?

Джульетта помедлила с ответом.

– Да. Но танцевать, боюсь, не сможет. Тот подонок прыгал на ней, понимаешь? У неё переломаны ребра, рука, бедро...

– Боже...

– Послушай, Смоки Рэй, как ты к ней относишься?

Теперь уже я ответил с заминкой.

– Ещё не знаю. Но она мне нравится, это точно.

– А я её люблю, – ровно сказала Джульетта. – И хочу тебе сразу сказать: если у тебя нет к ней серьёзных чувств, будь осторожен. Как бы я ни была тебе благодарна, но если обидишь Дорси, станешь моим злейшим врагом. Возненавижу сильнее, чем тех подонков.

Голос у неё был очень серьёзный, и я подумал, что, кажется, знаю, зачем она пришла в мою палату на самом деле. Вопрос о самочувствии был предлогом, всплеск эмоций случайностью, а вот предупреждение насчёт Дорси – истинной целью визита.

– На этот счёт можешь не беспокоиться, Джулия.

– Хорошо. Я поверю тебе, Смоки Рэй. Только не подумай, что мы с Дорси любовницы.

– Не думаю...

– Я сама не понимаю, почему привязалась к ней. И ещё меньше понимаю, зачем учила её танцам. Наверное, хотела испытать нашу дружбу...

– Что ты имеешь в виду?

Джульетта грустно усмехнулась.

– Если моя Зайка пройдёт конкурс и станет ещё одной танцовщицей в «Сладком местечке», или где-нибудь ещё... Она быстро делается такой же сукой, как и все мы. Я это знаю, но, наверное, надеюсь, что Дорси окажется не такой, как все...

– Что ты имеешь в виду?

– Только то, что сказала. Мы все суки. Все хотим стать звёздами шоу. Даже в таком паршивом шоу, как у Гарри Твидла.

– Не говори так, – попросил я. – Никакая ты не сука, хотя и стараешься выглядеть грубой...

– Помолчи! Ты не был за кулисами, ни черта не знаешь. Мы все улыбаемся друг другу, а внутри таим злобу. Знал бы ты, сколько яду я нахлебалась, пока Твидл и Гришем пытались сделать меня звездой...

– Полагаю, ты сгущаешь краски...

– Наивный дурачок. Думаешь, наши девочки милы с тобой, потому что ты такой славный парень? Да ни хрена подобного. Ты придумал новый номер. Значит, кто-то может стать

звездой. И может быть, такой звездой, которая сумеет вырваться из лап неудачника Твидла и засиять в лучших шоу Вегаса.

Я отвёл взгляд. Не то, чтобы я был идеалистом, но «Сладкое местечко» чем-то покорило меня, и мне не хотелось думать о нём плохо... Но дело, выходит, не в «Сладком местечке», а в надеждах, которые его обитатели возлагают на меня.

Значит, если Гришем не отстоит мой замысел, девушки ко мне охладят... И, вероятно, чарующая магия «Местечка» развеется сама собой.

– Да, из меня звезды не получилось. И знаешь, хоть это досадно само по себе, но жить стало легче. Девочки расслабились. А теперь им и вовсе не до меня. Все уже начали ненавидеть Пэм.

– Пэм Тревис? – напрягся я.

В глазах Джульетты мелькнул нехороший огонёк.

– Да, Смоки Рэй. Запомни на будущее: у сук очень острое зрение. Все видят, как ты смотришь на Пэм. Все понимают, для кого ты придумал номер.

– И ты тоже её ненавидишь?

Джульетта улыбнулась и отрицательно покачала головой.

– Нет. У меня есть Дорси. Она – как тенистый сад в жару. Даёт возможность отдохнуть и остыть, пока другие кипят.

– Я думаю, что смог бы придумать номер для каждой...

– Было бы здорово, – сказала Джульетта и поднялась на ноги. – Но всему своё время. Я пойду, нам обоим надо отдохнуть. А ты не переживай за Пэм. Она – правильный выбор. Танцует превосходно и, к тому же, такая сука, что всех нас вместе взятых переплюнет. Её не сломаешь. Ну, пока, Смоки Рэй!

– Пока, Джулия.

Уже на пороге она напомнила:

– Не забывай того, что обещал насчёт Дорси.

– Я не забуду.

Глава 6.

Ночью мне снился человек, которого я убил. Я не помнил его лица, и оно привиделось мне каким-то невысказанно страшным. Я даже просыпался в поту и с криком, так что мне дали лишнюю дозу успокоительного.

Утром страх отступил. Я не испытывал сожалений и даже немного удивлялся этому: я слышал, что убить человека – это серьёзное потрясение.

Когда я размышлял об этом, заодно сообразил, что каждый раз, когда говорят о потрясении от убийства, прибавляют слово «первое». Только от первого нутро переворачивается. Второе уже даётся легче...

Итак, выпавшись, я почувствовал себя намного лучше. Побои болели, но почти не мешали двигаться. Я был голоден и ужасно хотел курить. С первым мне помогла медсестра, принеся завтрак, со вторым пришлось подождать до выписки, которую врач, осмотрев меня, пообещал на полдень.

Время до вожделенного полудня было заполнено процедурами и заполнением бумаг. Напоследок мне намазали ушибы какой-то вонючей мазью, пообещав, что она поможет рассосать гематомы.

В четверть первого я наконец-то добрался до ближайшего места для курения и сунул в рот сигарету. От первой затяжки закружилась голова, жаркое солнце Невады обожгло мозг. Я присел на скамью, ощущая себя немного пьяным. И мысли в голову полезли пьяные: первая затяжка – первое убийство... Сначала трудно, потом привыкаешь.

Как потеря девственности у девушек. Первый раз больно, потом ничего так, а потом начинаешь любить это дело. С куревом, кстати, точно так же. И что, с убийствами должна быть та же история?

Я не сразу заметил, что ко мне подходит человек.

– Смоки Рэй! Как же я рад видеть тебя живым!

Это был Салливан Гришем. Мы обменялись рукопожатием.

– Я тоже рад... и удивлён. Вы пришли навестить Дорси?

Он сел рядом со мной.

– Дорси? В этом нет нужды, о ней есть кому позаботиться. Я приехал за тобой. Твоя машина до сих пор стоит у «Сладкого местечка».

– И вы решили сыграть в доброго самаритянина?

Он рассмеялся.

– Нет, дело в другом. Гарри Твидл пересмотрел своё отношение к тебе. Отчасти повлияло моё красноречие. Но окончательно он сломался, когда узнал о твоём героизме.

Я щелчком отправил окурки в урну.

– Какой там героизм...

– Ты прикончил одного из нападавших, разве этого мало? Чёрт меня дери, да я бы оцепенел на твоём месте, как кролик перед удавом, и дал себя зарезать, не пикнув...

Я поморщился, вспомнив, что, в сущности, так себя и вёл. Моё сопротивление было жалким и хаотичным... Сумел бы я отбиться, если бы не та кружка кофе, горячего, как вулканическая лава? Крепко сомневаюсь.

– В общем, Твидл, по счастью, несколько старомоден, и из чувства благодарности согласился дать тебе шанс. Так что сейчас поедem прямо в офис и подпишем контракт. Идём к машине.

– Мистер Гришем, мне нужно ненадолго вернуться в госпиталь.

– Плохо себя чувствуешь?

– Я должен проведать Дорси.

– Сделаешь это потом. У меня мало времени.

– Простите, мистер Гришем, я так не могу. Дорси тоже боролась, без неё я был бы мёртв!

– О'кей, сумеешь сделать это быстро?

Я пообещал не задерживаться и поспешил обратно к дверям. От быстрой ходьбы нутро заныло, но я не сбавил шагу.

Задержаться всё же пришлось. Мне сказали, что у Дорси уже есть посетители. Лишь после настойчивых просьб и консультации с лечащим врачом одна из медсестёр провела меня к палате, предупредив:

– Только на пять минут...

Когда я вошёл, мне навстречу поднялся мужчина с седыми висками, в клетчатой рубашке и затёртых джинсах. У него было широкое лицо с глубокими морщинами, сбегающими от носа к углам рта.

– Мистер Гейтс! Рад вас видеть!

Его мозолистая ладонь сковала и энергично потрянула мою руку. Дорси, похожая на мумию из-за обилия гипса и бинтов, смущённо улыбалась с койки.

– Моё имя Берт, Берт Ливингстон. Я очень признателен вам... Вы храбрый молодой человек! Спасибо за то, что спасли жизнь моей дочери!

– И вы туда же... Все только и говорят о моей храбрости, которой не было. Вашу дочь, а заодно и меня, спасла Джулия...

– Да, я знаю, – сказал Берт. – Раньше я не слишком одобрял дружбу Дорси с этой девушкой. Что говорить, мне вообще не по душе, что моя дочь работает в таком месте. Но если там водятся такие крепкие люди, готов перестать ворчать! Однако вы напрасно отвергаете благо-

дарность. У Джулии хотя бы был пистолет, а у вас – ничего, кроме храбрости. Мистер Гейтс, если вам когда-нибудь что-то понадобится от старого водителя, только скажите! Кстати, если вы не на машине, я подвезу, куда скажете. Врачи всё равно говорят, что Дорси нужно отдыхать, так что мне пора...

– Спасибо, мистер Ливингстон, но меня уже пообещали подвезти.

– Папа! – окликнула его Дорси. – Извини, но я бы хотела поговорить со Смоки Рэм наедине.

– Смоки Рэй? – удивился он.

– Это прозвище, – пояснил я. – И, по правде говоря, оно нравится мне гораздо больше, чем «мистер Гейтс».

– О'кей, Смоки Рэй, так и быть, оставлю тебя с моей девочкой. Смотрите, не шалите тут, детишки.

Он поцеловал дочь.

– До завтра, принцесса. Поправляйся. И знай: мама гордилась бы тобой...

– До завтра, папа...

На прощание Берт ещё раз пожал мне руку. Когда он вышел, я пододвинул стул поближе к кровати, прикоснулся к руке Дорси и уже открыл рот, но она спросила первая:

– Как ты себя чувствуешь?

– Ты украла мой вопрос. Я, по крайней мере, на ногах. А ты как?

– Лежу, – улыбнулась она. – Но собираюсь встать. И танцевать я буду, вот увидишь... Я ужасно выгляжу, да?

– Лучше, чем я опасался. Ты молодец, Дорси. Я хотел сказать тебе спасибо...

– А я хотела попросить прощения.

– За что? – изумился я.

Она отвела взгляд.

– Скажи, ты думал о том, почему на нас напали?

– Я думаю, они пришли за Джульеттой. Наверное, кто-то из зрителей...

– Нет, они напали на меня. Я пыталась сказать детективу Ферроу, но, кажется, он не принял меня всерьёз. Рэй, постарайся встретиться с мистером Гришемом и предупреди его, что теперь в опасности может оказаться кто-то ещё.

– С Гришемом я встречу прямо сейчас, но что ты имеешь в виду?

– Есть люди, которые хотят прибрать «Садкое местечко» к рукам. Тот человек, который покалечил меня... – Дорси содрогнулась, то ли от воспоминаний, то ли от боли. – Он называл себя Фронтмен. Три дня назад он сделал мне предложение. Обещал платить сто баксов каждый день, если я буду рассказывать, что происходит в «Сладком местечке». Я отказалась. А потом... повела себя глупо.

– Что ты имеешь в виду?

– Нужно было сразу рассказать обо всём Гришему. Но я почему-то промолчала. Отработала ночь, и мне казалось, что всё в порядке. А когда смена кончилась, стало страшно. И я подцепила мужчину на остаток ночи. И после следующей смены сделала то же самое. Ну, а на третий раз это был ты.

Я сидел перед ней, медленно осознавая услышанное.

– То есть ты просто...

– Цепляла мужчин, чтобы не было страшно одной. Думала, если Фронтмен где-то рядом, то, увидев меня с мужчиной, ничего не сделает. А потом забудет про меня... В общем, Смоки Рэй, это я подвергла тебя опасности. Ты был... очередной страховкой.

– Которая не сработала, – добавил я.

Дверь отворилась, и медсестра твёрдо сказала:

– Вам пора, молодой человек.

Я медленно встал. Взгляд Дорси был полон боли, и я понял, что это не только боль от переломов.

– Если тебя это гнетёт, не переживай понапрасну. Я не в обиде.

На самом деле обида была. Если Дорси просто не хотела быть одной, то для чего говорила о своём желании стать моделью? Можно было обойтись и без лжи...

Но я старательно спрятал обиду. Как бы там ни было, Дорси помогла мне. Благодаря ей я дожился до выстрелов Джульетты, а не повис на ноже Фронтмена.

– Не думай о плохом, Дорси. Здесь ты в безопасности. Пока!

Сэл Гришем, обладатель роскошной виллы, передвигаться предпочитал на выдавшем вида «лэндровере». Впрочем, несмотря на возраст, этот хищного вида угловатый танк работал, как швейцарские часы. Видимо, что на уход за ним владелец не жалел ни денег, ни времени.

– Тебе нечего бояться, – говорил Гришем, выкатывая по Дьябло-драйв на Радужный бульвар. – Убийство, которое ты совершил, квалифицировано как самооборона, и прокурор с этим согласен. Между прочим, он не случайно на твоей стороне. Это во многом заслуга твоего таланта.

– Что вы имеете в виду?

– В позапрошлый уик-энд прокурор Дженкинс был гостем на моей вилле. Скульптуры танцовщиц поразили его. Сегодня я сказал ему, что ты их автор, и он заверил, что у тебя не будет больших проблем.

– А маленькие проблемы будут?

– Без них жизнь была бы пресной, не так ли? – спросил он, одарив меня улыбкой того сорта, которым владеют только успешные бизнесмены. – Не унывай, если будет нужно, старина Сэл поборется за тебя. Ни на что не отвлекайся и начинай работу, как только придёшь в себя. Контракт будет заключён только на постановку одного номера, но мы обязуемся его пролонгировать, если доходы «Сладкого местечка» возрастут. Надеюсь, ты понимаешь, что мы заинтересованы в этом не меньше тебя...

Он свернул налево, и мы покатали на восток по Рассел-роуд. Я откинулся на спинку сиденья и старался расслабиться, чтобы дышать свободно.

Итак, я добился своего. Пускай это нельзя поставить в заслугу моему таланту, пускай в повороте судьбы сыграл роль невероятный случай – я одержал первую победу...

Однако той радости, которую я рисовал себе в мечтах, воображая, как добьюсь успеха, не было. Дорси и события минувшего дня занимали все мои мысли. Мне вдруг подумалось, что у её лжи, неожиданно глубоко меня задевшей, есть одно объяснение.

Что, если ей самой было неприятно менять «защитников»? Если она решила: пусть рядом будет один – и... выбрала меня?

Эта мысль уже льстила, в неё хотелось поверить. Значит, разговор об искусстве должен был стать цементом, который удержал бы меня...

Но для чего Дорси призналась?

– Смоки Рэй, ты не слушаешь? – спросил Гришем, обгоняя кабриолет, из которого улыбалась Лас-Вегасу пара туристов.

– Простите, мистер Гришем. Не могу забыть о нападении. Дорси сказала, что эти улюбки пришли за ней. Один из них недавно пытался её завербовать, чтобы Дорси докладывала обо всём, что происходит в баре. Она отказалась – и ей решили отомстить. Что вы думаете об этом?

Сэл закусил губу. Около минуты он молчал, со злостью глядя на дорогу.

– Чёрт, это уже серьёзно! Ладно, думаю, ты имеешь право узнать. Конечно, если обещаешь помалкивать.

– Обещаю! – настороженно кивнул я.

Он испытующе поглядел на меня и спросил:

– Ты знаешь, как делаются дела в Неоновом городе?

– По-видимому, нет...

– Не перебивай. Это был вводный вопрос. Ясное дело, ты ни черта не знаешь. Вселенная Лас-Вегаса – это несколько ярусов моря. Наверху, на волнах, плавают яхты с крупными шишками. Это продюсеры высокого класса, у них связи уходят куда-то на небеса. Под днищами яхт проплывают акулы бизнеса. Это легальные боссы, но уже способны показать зубы. Чем ниже, тем страшнее, и на дне заправляют уже откровенно криминальные спруты. Из их щупалец нет спасения. И «Сладкое местечко» барахтается в паре футов от дна. Если не поднимемся – нас сожрут. Понимаешь?

– Пока вроде бы да...

Гришем покачал головой.

– Помнишь, ты спросил, почему мы с Гарри Твидлом позволяем себе роскошь, если заведение не приносит дохода? Так вот, это способ защиты. Мимикрия. Мы притворяемся акулами. Нас видят с яхты. И спруты опасаются протянуть к нам щупальца.

– Хотя уже давно могли бы это сделать? – уточнил я.

Гришем невесело улыбнулся.

– Схватываешь на лету. Если мы оступимся и покажем свою нищету, бар проглотят.

– Кто?

– На нас зарится Бёрк Адамс. Это теневой король мелкого шоу-бизнеса. В заведениях, которые он прикарманил, толкают наркоту, все девушки проституируют. Это уже дно, самое дно моря по имени Вегас. Понимаешь теперь, насколько сильно нам нужен успех?

– Да, сэр.

– А понимаешь, почему я тебе это рассказал?

– Не уверен...

– Потому что ты должен знать, чем рискуешь. Если Дорси сказала правду, значит, Бёрк Адамс уже пробует нас на зуб. Времени мало, а риск велик. Я не хочу, чтобы ты сначала подписал контракт, а потом узнал об опасности и почувствовал себя обманутым. Так-то, парень. Что ты об этом думаешь?

– Я думаю, мистер Гришем, что мой номер должен понравиться людям. Очень хочется проверить это на деле...

Глава 7.

Как по мне, так Бенни Гриер был одной из самых больших проблем «Сладкого местечка».

В чём-то он, бесспорно, был талантлив. Сэл называл его настоящим спасением. Бенни был шоуменом – ведущим с «заводным», как он выражался, конферансом. А заодно, беря лишь половину оклада за каждую должность, хореографом, осветителем сцены, электриком, плотником и сантехником. Неудивительно, что его ценили.

Ему было около сорока лет, но при взгляде на него заподозрить истинный возраст было трудно. Даже при некоторой грузности Бенни Гриер выглядел моложе, был чрезвычайно пластичен. Лицо у него было подвижное, и чувствовалось, что артистическую мимику он вырабатывал, ориентируясь на Джима Керри. Он был неутомим, везде успевал. Если бы не колкий и циничный взгляд, я бы сразу назвал его славным парнем.

Покончив с моделями и перебравшись в «Сладкое местечко», я узнал его ближе и вскоре обнаружил, что этот славный парень вызывает у меня стойкое отвращение...

Он исповедовал убеждение, что шаблоны – это то, что нужно публике.

Мы поспорили уже на второй день моей работы в баре. Кетхума и Нбона лежали за кулисами. Сэл наказал мне и Гриеру отработать быструю установку фигур и их выезд на сцену.

Едва он ушёл, Бенни, не прекращая работы, принялся критиковать мой номер.

– Зря ты со мной споришь, Смоки Рэй. Я в этом бизнесе почти столько же, сколько ты живёшь на свете. Выкрутасы, которые ты выдумал, никому не нужны. Зритель платит за то,

что девочки на сцене проделывают штуки, которых он ждёт. А вовсе не за твои фантазии. Обманутый зритель не придёт дважды.

– Так что, на сцене не должно быть ничего нового? – возмутился я.

Бенни подогнал пазы и проворно завернул первый винт из четырёх, которыми Нбона крепился к платформе.

– Того, что в «Сладком местечке» появятся эти чурбаны, вполне достаточно...

Я покончил с одним винтом, он с двумя, и, опередив меня, успел взяться за последний.

– Дальше дай зрителям то, чего они ждут. Они пришли возбудиться, а не смотреть артахаусную постановку.

– Но дальше как раз и будет возбуждение!

Мы взялись за Кетхуму. Пластиковая фигура весила около двадцати килограмм.

– Раз-два-три! – скомандовал Бенни Гриер, и Кетхума встал на платформу. – Дальше у тебя спектакль. Как там? «Пэм должна оглядываться на тех, кто принёс её в жертву, прощаясь с земным миром и готовясь вступить в мир небесный»? – насмешливо процитировал он моё описание. – Херня, бро! Зрителю насрать на тех, кто принёс её в жертву. Зрителю насрать на то, что один чурбан хороший, а другой плохой. Зрителю нужны сиськи Пэм и жопа Пэм...

Мы выпрямились, покончив с винтами. Бенни схватился за ручки платформы, на которой стоял Нбона.

– Погнали!

Он в мгновение ока выкатил Нбону точно на то место, которое я указал. Я отстал, промахнулся и чуть не раскроил Кетхуму о шест.

– Пускай будут чурбаны, о'кей, но рядом с ними должна танцевать белая женщина. И это должен быть танец страха.

– Бенни, ты просто ещё не видел...

– Я видел столько стриптиза, сколько ты не мог себе нафантазировать за все годы, когда предавался рукоблудию в колледже! Бенни Гриер знает про этот бизнес всё, и Бенни Гриер говорит, что ты придумал херню, Смоки Рэй!

– Но мистер Твидл заключил контракт со Смоки Рэем! – использовал я последний аргумент.

Однако он не произвёл на великого знатока Бенни Гриера сколько-нибудь заметного впечатления.

– Прогоним ещё разок, тебе явно нужна тренировка.

С третьего раза я приноровился катать Кетхуму, и мы поменялись фигурами. Наконец он предложил примирительным тоном:

– Покурим?

Мы оставили идиолов и через чёрный ход вышли к стоянке. Здесь у персонала было своё место для курения, отгороженное кирпичной кладкой, укрытое от солнца навесом.

Со Строберри-лейн доносились звуки моторов. Вдали высились здания центральной части Вегаса. Город жил своей жизнью, переваривая туристов, азартных игроков и влюблённых. Где-то среди этой массы людей под солнцем Невады ходил и мечтал о новой встрече со мной высокий парень с длинным лицом и расплюснутыми яйцами.

Мы уселись на скамейках и помолчали, выдыхая облака дыма.

– Ты знаешь, Смоки, как устроены мозги у Твидла?

– Как?

– Они устроены правильно. Десять процентов вероятности, что он остановит выбор на Бетси, и девяносто – что выберет Линду. Для Пэм – ноль процентов.

– А что насчёт остальных девушек? – мрачно спросил я.

– Миранда исключается, она не белая девочка. Дженни Джонс? Крутая девчонка в байкерской куртке? Ну, я бы поставил её перед чурбанами, только у меня она бы разнесла их

в ключья. Ты, кстати, подумай над таким вариантом. Оторва-байкерша против африканских чудовищ... Стиль раздевания – подготовка к бою. А потом боевик с пиротехникой прямо на сцене! Слушай, ведь классно, а?

Я пожал плечами.

– Надо обдумать...

На самом деле идея Бенни ничуть меня не тронула. Может, просто потому, что я переживал за номер с Пэм. Да и вообще, настроение у меня в тот день было не очень хорошим. Дорси не принимала звонки и очень редко отвечала мне в WhatsApp, обходясь короткими общими фразами и не ставя ни единого смайлика.

А ещё ночью мне опять приснился зарезанный мной парень. Наяву я практически не разглядел его лица, и, видимо, поэтому он снился каждый раз в новом обличье. В последний, например, раз это было обличье Моргана Фэрроу.

Два года назад в пустыне, к юго-западу от резервации Мохаве, были найдены останки двух человек. Двух девушек. Собрать удалось не всё: койоты и грифы нашли тела задолго до полицейских...

На костях ребёр были видны следы ножей. Основной версией было, что девушек изнасиловали и убили. Но времени прошло слишком много, улики практически не осталось – кроме одной.

Это был фрагмент отпечатка пальца. Он остался на бумажнике, который один из насильников выпотрошил и отбросил. Бумажник упал под камень, и клапан прижался к внутренней стороне. Отпечаток оказался защищён от солнечных лучей и высыхания.

Снимал его некто Гарри Стэплтон, по словам Фэрроу – лучший криминалист штата. Это было настоящее священнодействие. Малейшая ошибка – и отпечаток был бы погублен. Стэплтон справился. Однако его скрупулёзный труд так и не продвинул расследования.

Копы пробивали фрагмент по всем базам, но не находили ничего похожего, пока не дактилоскопировали труп Сэма Фрая – того самого парня, которого Дорси запомнила как Фронтмена, а я – как Мистера «Металлику».

«В общем и целом, он не был преступником. Он был простой продавец в автолавке, понимаете? Иногда обманывал клиентов, выгадывал десятку-другую. По вечерам пил пиво с приятелями. Обожал стриптиз и порнофильмы. Любил подраться, но это только по слухам, в полицию он не попадал ни разу. Женился, сделал сынишку, развёлся, стал ухлёстывать за другой... А между делом изнасиловал и убил двух девушек, приехавших в Вегас на уик-энд. Я не знаю, куда катится мир, мистер Гейтс, но некоторые люди катятся туда быстрее всех остальных, и понять их поступки бывает очень сложно».

Я ничего не ответил, внимательно слушая рассказ, который звучал у меня в телефоне усталым голосом Моргана Фэрроу.

«Знаете ли вы, что лезвия ножей имеют индивидуальные черты? При заточке они, конечно, теряются, но на костях девушек, убитых к юго-западу от резервации Мохаве, прочитывался след от лезвия с очень характерной зазубриной. Она располагалась на тупой стороне клинка. Так вот, эту зазубрину мы тоже нашли. Одной этой улики, конечно, недостаточно, чтобы закрыть давнее дело, но лично я теперь убеждён, что знаю, с кем был Сэм Фрай два года назад. Он убил девушек в компании уборщика из кинотеатра «Ист-вэлли», своего школьного приятеля Бенджи Тёртла. Парня, которого вы отправили на тот свет из кухни дома на Мэйфлауэр-стрит».

«Боже», – сорвалось у меня с губ.

Телефон едва не выпал из потной руки.

...После выписки детектив приходил, чтобы побеседовать со мной ещё один раз. А я звонил ему раза четыре, к большому его неудовольствию. Он уже не здоровался, принимая вызов. Вот и сегодня первым делом спросил:

«Вы вспомнили что-то важное?»

«Нет, детектив...»

«Так позвольте спросить, какого чёрта вы отвлекаете меня от работы?»

«Я хочу узнать, схвачен ли тот высокий парень, которому я расшиб яйца».

В динамике послышался тяжкий вздох.

«Нет. Ещё нет. Но поверьте, это не должно волновать вас».

«Детектив, это был парень, заточенный на убийство, а я его, возможно, кастрировал! Теперь он ходит где-то на свободе, и неужели вы правда думаете, что им владеют идеи всепрощения?»

«Успокойтесь, мистер Гейтс. Я знаю предположения Салливана Гришема, но ни у кого из нападавших не было связей с преступным миром. Давайте, я вам кое-что расскажу, только пообещайте ни с кем не делиться этими сведениями...»

Ион рассказал мне историю Сэма Фрая. Я тотчас написал Дорси. Данного обещания помалкивать я не нарушил и о прошлом Мистера «Металлики» не упомянул, только сообщил Дорси, что Морган уверен: те парни, что едва не прикончили нас, не были связаны с мафией.

«Он сказал, что мафиози могут творить самые омерзительные дела, но только ради конкретной пользы. Отморозков, убивающих просто так, там не держат. Мафии невыгодно привлекать к себе лишнее внимание. Детектив уже установил: этот Сэм Фрай несколько раз был в баре. Наверное, видел выступления Джульетты, запал на неё и решил изнасиловать. Позвал приятелей, распалил их воображение. Всё это ужасно, но не имеет отношения к чьим-то попыткам завладеть «Сладким местечком». Детектив уверен, что уцелевший парень теперь сидит тише воды ниже травы, и, возможно, далеко за пределами штата Невада».

Дорси прочла сообщение, но опять не ответила...

Почему она молчит? Наверное, я не так уж сильно понравился ей, как хотелось бы думать. Я пытался убедить себя, что у меня нет причин для сожалений. Ведь не влюбился же я в Дорси!

И всё равно на сердце было тяжело.

Гриер выплюнул окурок.

– Идём, Смоки, прогоним чурбанов ещё разок.

– Бенни, хватит называть их чурбанами.

– А кто же они?

– Они – Кетхума. Если угодно, идолы. Когда-то им поклонялись, а теперь им предстоит потешать публику в стрип-баре... Прояви к ним немного уважения, о'кей?

Когда мы в очередной раз выкатили идиолов, послышались редкие аплодисменты, щемящее уютные в почти пустом тихом зале. Оказалось, у нас уже есть публика. Перед сценой стояли несколько стульев, и на них сидели Твидл с Гришемом, Роджер Багз и все шесть девочек «Сладкого местечка».

Пэм Тревис расположилась в стороне. Она сидела по-мужски, широко расставив ноги, обтянутые рваными джинсами, уперев локти в колени. Её чёрное лицо было почти неразличимо в полумраке.

Джульетта, в коротких шортиках и блузке с оборками, тоже держалась чуть в стороне. Она сидела, положив ногу на ногу и скрестив руки. Джульетта точно знала, что звёздный танец ей не светит, и демонстративно скучала.

Остальные так и льнули к двум боссам. Блондинка Линда Лейн, изображавшая на сцене весёлую сексапильную «шведку» (привет из кинематографа семидесятых, знакомого теперь только замшелым ценителям). Миранда Рохо, жгучая латиноамериканка, Бетси Брейвхарт, «скромная жёнушка, шлюха в душе», и даже Дженни Джонс, которую Бенни метко окрестил

«оторвой-байкершей». Сейчас на Дженни не было ни клочка проклёпанной чёрной кожи, она была одета в костюм для занятий аэробикой, но что-то в её лице не позволяло забыть о сценическом имидже.

– Бенни, дай нам свет! – потребовал Твидл. – Смоки Рэй, если ты не собрался исполнять роль третьего божка, спускайся и сядь рядом.

Гриер умчался за кулисы. Когда я нашёл себе стул и сел, невольно соблюдая дистанцию от Гарри Твидла, наверху раздался глухой щелчок, и снопы света упали на две ипостаси Кетхумы.

– Пэм и Линда, поднимитесь на сцену, – потребовал Твидл.

Обе девушки встали. Линда взбежала по ступенькам, Пэм, мягко ступая в мокасинах, запрыгнула на сцену прямо из зала.

– Что нужно делать? – спросила она своим обволакивающим, с лёгкой хрипотцой, голосом.

– Пока ничего, просто стойте там.

Мне хотелось посмотреть на выражение лица Твидла, но я не мог оторвать взгляда от Пэм.

На свете есть девушки красивее, я сам могу навскидку назвать несколько. Та же Миранда Рохо – поистине ослепительная чернобровая красавица с изумительным рисунком губ и блестящими глазами. Высокая «шведка» Линда, хрупкая «француженка» Джулия, спортивные американки Бетси и Дженни – каждая была по-своему красива привычной, впитанной с каждым глотком американского воздуха красотой.

Но есть иная красота. На свете не найти никого грациознее негритянок. И там, на сцене, в рваных джинсах и просторной синей футболке, стояла обладательница самого совершенного тела на свете.

Разве можно этого не видеть? Разве можно не чувствовать переключку между гибкими линиями Пэм и строгими, застывшими в вечности линиями Кетхумы и Нбоны?

Линда Лейн была хороша, тут не поспоришь. Она стояла, уперев руки в бока, вполоборота к зрителям, подняв подбородок. Тонкие губы сложились в обольстительную улыбку. Её тело прекрасно натренировано для подиума, оно машинально приняло нужную позу – эффектную, но... не сочетающуюся с идолами.

С ними сочеталась Пэм Тревис, которая просто стояла, как десятки тысяч лет стояли её предки на прокалённой африканской земле, полной тайн и опасностей...

– По-моему, всё очевидно, – сказал Твидл. – Что думаешь, Сэл?

– Я думаю, нужно попробовать оба варианта.

– Ерунда. Ты просто жалеешь Смоки Рэя. Но жалость ещё ни из кого не сделала успешного человека.

Почувствовав, как изменился тон Твидла, я понял, что он говорит это, глядя на меня. Я заставил себя повернуть голову и встретил жёсткий взгляд хозяина «Сладкого местечка».

– Ты понимаешь, что я хочу сказать?

– Да, мистер Твидл, но...

– Но ты не понимаешь, почему. Ты талантлив, парень, я не могу не признать это. Даже тот факт, что меня по-прежнему бросает в дрожь от твоих чурбанов, говорит о том, что у тебя действительно есть талант. Но вот опыта у тебя нет. Посмотри на этих двух девушек. Которая заметнее?

Я хотел сказать «Пэм», но это было бы ложью. Конечно, Линда бросалась в глаза рядом с Кетхумой и его второй ипостасью.

– Линда контрастнее. Линда вызовет сочувствие зрителей: цивилизованная белая девушка против дикарской магии. Ты должен понимать, что наш зритель – не театрал, а нетрезвое возбуждённое животное. Нам такой и нужен, мы сами делаем его таким, потому что нетрезвое возбуждённое животное не думает, а сыплет деньгами.

Твидл встал, за ним поднялись и все остальные.

– Сейчас полдень... Бенни, ты слышишь меня?

– Да, босс! – донеслось из-за кулис.

– С Кетхумой танцует Линда. Начинайте работать. Роджер и Смоки Рэй подберут музыку. Бенни, за тобой хореография. Только сначала посмотри раковину в женском туалете, она опять течёт. Линда, пока Бенни занят, разминайся. И... помни, что в этом номере ничего весёлого не будет. Ты должна показать страх.

Он направился к двери в служебные помещения и добавил на ходу:

– К двум я хочу увидеть, на что похож будущий танец!

Сэл удалился за Гришемом, не глядя на меня. Миранда, Бетси и Джейн отошли вместе, сверля Линду недобрыми взглядами. Линда, не покидая сцены, прогнулась и стала выполнять наклоны. Её улыбка погасла, мысли ушли внутрь. Там, внутри, она была совсем не такой, какой казалась, когда не забывала про улыбку.

Куда исчезла Пэм, я не заметил.

Роджер Багз подошёл ко мне и спросил:

– Я так понимаю, музыкальная тема у тебя уже есть. Обсудим?

– Конечно... Только извини, Роджер, мне нужно отлучиться на пару минут.

– О'кей, не торопись, я пока приготовлю инструменты.

Пройдя мимо Линды, и свернул за кулисы и прошёл в гримёрную. Там было пусто. На тесно стоящих столиках царил идеальный порядок: сегодня девушки ещё не прикасались к гриму. Я поспешил к выходу, но передумал и свернул в смежную комнату, которая служила костюмерной, а если точнее, то настоящим ателье.

Это было царство Тильды Нолан, слегка располневшей, но ещё сохранившей пластичность экс-звездой «Сладкого местечка». Она, как мне говорили, блистала в нулевых годах. Теперь её слава осталась позади, но она по-прежнему приносила много пользы, чиня костюмы стриптизёрш, а когда те изнашивались окончательно, составляя из уцелевших частей новые.

Она и сейчас распарывала что-то, кажется, корсет, украшенный бантиками. Ни разу не видел, чтобы кто-то из девушек выступал в корсете. Из какой археологической эпохи он поднят?

– Ищешь Пэм? – спросила Тильда, не отрываясь от работы. – Она попросила у меня сигарету...

– Спасибо, Тильда!

Я поспешил к служебному входу.

– Смоки Рэй! – догнал меня её оклик. – Не валяй дурака, девочки там не курят! Они это делают на крыше.

На крыше я не был ни разу. Дорогу мне указал Дейл Бушеми, вышибала бара, здоровенный усатый детина с татуированными мускулистыми руками.

– Но если хочешь услышать добрый совет, не ходи туда. Пэм не та девочка, которая нуждается в утешениях. Ей нужно немного покипеть, а потом она сама успокоится.

– Дейл, здесь новости распространяются со скоростью звука или со скоростью света?

Он оскалил в улыбке частокол своих белоснежных зубов – сплошь искусственных, если я хоть что-то понимал в зубах.

– Поработай тут с моё, парень, узнаешь, что о некоторых событиях становится известно даже раньше, чем они происходят.

Всё-таки я поднялся по узкой деревянной лестнице и толкнул дверь.

На крыше «Сладкого местечка» был установлен тент, под ним стояли несколько пляжных лежаков. На одном из них, поджав под себя ногу, сидела Пэм. В её пальцах тлела сигарета.

– Зачем пришёл? – спросила она, не поворачивая головы.

Слова вроде «не нужно расстраиваться» застряли у меня в горле. Только посмотрев на Пэм Тревис в эту минуту, можно было понять, что подразумевал Бушеми под «немного покипеть».

– Я хотел сказать, что Твидл не прав. Я ещё буду говорить с ним. Я придумал этот номер для тебя.

Она обожгла меня взглядом.

– Так сильно хочешь меня трахнуть?

Я поперхнулся словами.

– О чём ты?

– Не строй из себя невинность, белый парень. Твои предки трахали чёрных девушек, когда и как хотели, и ты хочешь того же.

– Пэм, ты сошла с ума?

– Заткнись! Я знаю: в твоей голове только этот чёртов номер. Но о чём думает твоё сердце, ты и сам не догадываешься. А я это знаю. Белые парни могут быть вежливыми, но их сердца видят во мне черномазую суку, которую можно трахать когда и как угодно.

– Пэм, ты не права...

Она стремительно поднялась с лежака и шагнула ко мне вплотную, подняв окурки к моим глазам. Я невольно отшатнулся.

– Свали отсюда, парень, пока не стало хуже! Меня бесит твоё бляение. «Пэ-э-э-м, ты не права-а-а», – передразнила она. – Можно подумать, ты не знаешь, как раздаются роли! Раз этот номер для меня, значит, я должна раздвинуть ноги и выполнить предназначение черномазой суки. Вот о чём думало твоё сердце. И вдруг Бенни Гриер тебя обскакал! Какая досада! Пойду-ка я к черномазой суке и разведу её на трах своей доброжелательностью...

Её слова были настолько несправедливыми, что я рассердился.

– Тупая идиотка! Если бы я хотел развести тебя на трах, наверное, попытался бы сделать это немного раньше, а?

Я тут же пожалел о сказанном. Нужно было уйти, а не злить Пэм ещё сильнее. Раз уж не хватило ума прислушаться к предупреждению Бушеми.

Но грубые слова уже сорвались с языка. Теперь она постарается выжечь мне глаза...

Однако, к удивлению, Пэм улыбнулась. В её улыбке чувствовалась горечь...

– Так и не понял? Конечно, ты всего лишь вежливый белый мальчик, которого приводят в негодование расизм и сексизм. Но кроме вежливой головы, у тебя есть подлое сердце белого человека. Когда оно возьмёт верх, вспомни ещё раз своё негодование. Вот увидишь, ты посмеёшься над ним...

Пэм вернулась на лежак, в одну глубокую затяжку прикончила сигарету и бросила окурки в покорёженное пластиковое ведро, стоявшее поодаль и заменявшее урну.

«Это что-то личное, – подумал я, глядя на то, как она демонстративно отвернулась от меня. – Может быть, её когда-то изнасиловали. Кто-то вроде Сэма Фрая и Бенджи Тёртла – не преступники, простые парни, которые живут, работают, пьют, женятся и разводятся, и однажды решают, что неплохо бы, чёрт возьми, взять и трахнуть приглянувшуюся девушку...»

Очень хотелось курить. Я сам не заметил, как рука скользнула к карману с мятой пачкой «Пэлл Мэлл».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.